

A digital illustration of a family in a nursery. A man with a beard and dark hair, wearing a dark blue sweater, stands on the left with his hand on his chin. A woman with long, wavy red hair and blue eyes stands on the right. In the foreground, a baby with red hair and blue eyes, wearing a white and grey striped cardigan, looks directly at the viewer. The background shows a white crib, a teddy bear on a shelf, and a potted plant.

**НИКОЛЬ
КЕЛЛЕР**

**СЛУЧАЙНО
ПАПА**

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Николь Келлер
Случайно папа

«Автор»

2023

Келлер Н.

Случайно папа / Н. Келлер — «Автор», 2023

- Дана, можно я к тебе приеду? С Анюткой, - шмыгаю носом в трубку.- Конечно, приезжайте! Руслан будет счастлив увидеть подружку. Погоди, ты что плачешь?! Всклипываю, и подруга все понимает без слов.- Я твоему Лёне руки оторву! Что на этот раз? Сиди дома, я сейчас охрану отправлю, уж они...- Это не из-за Лёни. Муж нас выгнал и все мои деньги отобрал. Еще и свекровь масла в огонь подлила...- Погоди, погоди, - перебивает Дана. - Прекрати плакать! Уж из-за этого точно не стоит! Считай, ты получила рождественский подарок раньше времени. Я скоро буду. Можешь переждать где-то, чтобы вы с дочкой не замерзли?- Я не у Лёни, - выпаливаю, отчаянно краснея.- Тааааак, а вы где сейчас?- У босса моего мужа.- Что?! – ошеломленно выдыхает Дана. – У того самого?! У...Ковалева?!- Да.- Погоди, ты что, призналась, что Аня – его дочь? Он поэтому вас забрал к себе?- Нет, - грустно усмехаюсь. – Он меня даже не вспомнил.

© Келлер Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Олеся	5
Глава 2	8
Олеся	8
Глава 3	11
Олеся	11
Глава 4	13
Олеся	13
Глава 5	15
Олеся	15
Глава 6	17
Олеся	17
Глава 7	19
Олеся	19
Глава 8	21
Олеся	21
Глава 9	23
Олеся	23
Глава 10	25
Олеся	25
Глава 11	27
Олеся	27
Глава 12	29
Олеся	29
Глава 13	31
Олеся	31
Глава 14	33
Олеся	33
Глава 15	35
Олеся	35
Глава 16	37
Олеся	37
Глава 17	39
Олеся	39
Глава 18	41
Олеся	41
Глава 19	43
Олеся	43
Глава 20	45
Олеся	45
Глава 21	48
Олеся	48
Глава 22	50
Олеся	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Николь Келлер

Случайно папа

Глава 1

Олеся

– Спи, моя радость, усни, – распеваю вполголоса, укачивая дочку. Руки, кажется, длиной до колен и вот-вот отвалятся. Анютка так незаметно выросла! Казалось бы, только – только я принесла кулечек из роддома весом три килограмма, а уже скоро два года стукнет. Но доченька все равно предпочитает засыпать исключительно на маминых руках.

Продолжая бубнить любимую колыбельную Ани, с осторожностью сапера перекидываю малышку в кроватку, уже представляя, как спокойно поплюю кофе. И пообедаю заодно. Спокойно. В тишине. И двумя руками.

Ба-бах!

Это так разбиваются мои мечты о времени для себя. И так хлопает входная дверь. Так как время обеденное, и муж еще на работе, то единственный, кто может прийти в нашу квартиру вот так запросто, – это свекровь.

Аня вздрагивает, распахивает глаза, замирает на секунду и раздражается громким и возмущенным плачем.

На секунду прикрываю веки, чтобы не разреветься в голос, и подхватываю дочку на руки. Она мгновенно повисает на мне, щедро заливая мое плечо слезами.

– Все, все, мое солнышко, ну, не плачь. Иначе мама тоже сейчас расплачется.

Но Аня и не думает успокаиваться. Возмущенно ревет, что потревожили такой ее чуткий сон. Мысленно стону, меня потряхивает от эмоций и постоянного недосыпа. Заново укачиваю дочку. Сейчас она проспит сорок минут на моих руках, и у меня будет еще ровно сорок минут свободного времени. Интересно, на что их потратить: на готовку, поесть самой или помыть голову? Дилемма.

Придушила бы мать моего мужа, ей-богу! Она ведь прекрасно знает, как дорог мне сон дочери! Что это не только время, в которое я «ничего не делаю», как она считает, но единственный момент, когда я могу приготовить обед и ужин для семьи. Любовь Григорьевна прекрасно знает, как я не просто устаю, а выматываюсь с ребенком, но палец о палец не ударила, чтобы как-то помочь. Наоборот, делает все, чтобы вывести меня из себя.

Ба-бах!

Дверь спальни с треском распахивается, и на пороге оказывается... муж. Аня снова вздрагивает всем тельцем от испуга и буквально захлебывается криком.

– Что ты творишь?! – рявкаю на Лёню, укачивая и похлопывая Аню по спине. – Нельзя ли потише?! Знаешь же, что в это время у дочери дневной сон!

Но о чем это я.

Мой муж не любит собственную дочь. Более того, ему плевать на нее, и он никогда не скрывал этого.

Когда я забеременела, Лёня и слышать ничего не хотел. Категорично заявил – аборт и только.

– На вот, – всучил мне пять тысяч. – Я узнавал, тебе хватит, чтобы устранить проблему.

– Проблему?! Наш ребенок для тебя проблема?

– Мозги мне не делай, – кривится Лёня, отмахиваясь от меня, как от назойливой мухи. – Мне сейчас не до детей.

– Но он уже есть! – слезы катятся из глаз, задыхаюсь от безысходности.

– Я все сказал. Крикливое существо мне не нужно. Не до него.

Я рыдала три дня, постоянно прося у крошки внутри прощения за то, что нервничаю. Выплакав, казалось бы, все слезы, я все же беру себя в руки и решаю рожать во что бы то ни стало. Поэтому после пар записываюсь на прием к гинекологу.

– Да, вы действительно беременны. Беременность маточная, развивающаяся. Вы будете сохранять ребенка?

Я сажусь на кушетке, вытираю гель и одеваюсь, не спеша отвечать. Я, конечно, приняла решение, но есть несколько «но»: это жилье и деньги. Я сейчас учусь в университете и живу у Лёни. У меня нет постоянной работы и своего жилья. Мы не выживем на те подработки, которые периодически у меня бывают. Могу ли я так рисковать будущим малыша?

Доктор возвращается за свой стол и листает мою карту.

– Это ваша первая беременность? – смотрит на меня поверх очков.

– Да.

– Тогда я вам не рекомендую делать аборт, – снова вчитывается в результаты анализов. – Вы знали, что у вас отрицательный резус-фактор? Если прервать беременность, то потом проблем с ее вынашиванием не избежать. Подумайте над этим, Олеся.

А что тут думать? Шансов у меня никаких нет.

Мы несколько месяцев не разговариваем с Лёней. Совсем. Утром он встает, ест приготовленный мной завтрак, уходит на работу, возвращается, ест приготовленный мной ужин и ложится спать. Или зависает в телефоне, или смотрит кино. Что угодно, но не обращает на меня никакого внимания. Я – вещь. Прислуга. Мебель. Пыль под его ногами.

Так продолжается до первого скрининга.

– Врач предположила, что у нас будет девочка, – первая фраза, которую я произношу за столько времени. – Она почти уверена.

Вот только эта новость ни черта не радует мужа.

– Девчонка?! Что за бред! У меня не может быть девочки, в нашем роду одни пацаны рождаются! Признавайся, с кем нагуляла?!

Скандал выходит знатный. Настолько, что через несколько часов у меня начинает тянуть живот и начинается кровотечение. На неделю я ложусь на сохранение и твердо решаю уходить от Лёни. Ищу подработки на дому. Вырученных денег ничтожно мало, но я коплю как могу. На приданое для дочери и для того, чтобы снять какое-никакое жилье.

Но в какой-то момент поведение мужа меняется. Он становится как прежде: ласковым, милым и порой даже заботливым. Говорит, что погорячился, дураком был. Постарается исправиться. Что понял, как ошибался, и лучше меня никого нет.

Он и правда старался. Худо-бедно, но все же. С ребенком не помогал, по дому тем более. Но не унижал, не растаптывал раз за разом и на том спасибо. Я продолжала разрываться между ребенком и работой, откладывая копейку к копейке. На всякий случай.

Все было относительно хорошо. До сегодняшнего дня.

– Да мне плевать. Мне нужно поговорить с тобой.

– Что, прямо сейчас?! Ты видишь же, что у дочери истерика! Ей спать нужно!

Не понимаю, что сказала не так, но лицо Лёни ожесточается. Он не скрывает злость и ярость. И обращены они... на нашу девочку! Аня это чувствует и ревет сильнее. Она боится.

– Аня – не моя дочь. Говорила мне мать, что девчонка совсем на меня не похожа...

Грудь как будто каменной плитой придавливает – воздух спирает, голова мгновенно начинает кружиться. Что за чушь он несет?!

– Лёня, ты что, пьян?! – принохиваюсь, но алкоголем от мужа не пахнет. – Что за бред ты несешь?!

– Думала, что сможешь скрыть от меня и навязать чужого ребенка?! – шипит муж, надвигаясь. Отступаю назад, сильнее прижимая малышку к себе. Обнимаю так крепко, чтобы защитить от всего на свете. Она уже даже почти не всхлипывает. Проваливается в сон от усталости. – Молодец, Олеся, долго же ты дурачила мне голову. Но нашлись хорошие люди. Что ты на это скажешь?!

Муж тычет мне в лицо какой-то бумагой. На ней графики, таблица с цифрами, аббревиатуры. Много умных слов. Которые решительно не желают складываться в понятные предложения.

Но взгляд цепляется за выделенное жирным шрифтом.

«Предполагаемый отец исключается как биологический отец ребенка по причине...»

Перечитываю несколько раз, но все равно в голове не укладывается.

– Что это?

– Результат теста ДНК на отцовство. И он отрицательный. Ты, шалашовка мелкая, нагуляла где-то ребенка на стороне и все это время слезливо внушала мне, что я ее отец! – выплевывает Лёня. Его глаза горят бешенством, а ладони сжимаются и разжимаются в кулаки. Я поворачиваюсь к нему так, чтобы, если он решится поднять руку, удар не пришелся по Ане. К сожалению, уже были прецеденты...

– Что. Ты. Несешь?! – шиплю, покачивая дочь и вся трясаясь от кошмара, в который оказалась втянута. – Ты прекрасно знаешь, что у меня никого, кроме тебя не было! Ты – мой первый и единственный!

– Хватит! Не собираюсь больше слушать это дерьмо! А я еще мучился, что приходится скрывать Лену...

Пока я пытаюсь сообразить, что значит последняя вскользь брошенная фраза, муж добивает меня:

– Лена завтра переезжает сюда.

Хлопаю глазами, открывая и закрывая рот. Шок. Неверие. Неприятие того, что оказалась втянута в дешевый театр абсурда. Боль просто раздирает душу на части. Лёня не был идеальным мужем и отцом, но так унижить и растоптать нас с малышкой ни за что...

– Кто такая Лена? – голос сипит, но я выпрямляю спину и смотрю строго в глаза мужу.

– Мать моего будущего ребенка. Настоящего, – Лёня бросает эту фразу с превосходством. Скрещивает руки на груди и смотрит взглядом победителя.

– Ты хочешь сказать, что я должна буду жить в одном доме с твоей любовницей? Ты ничего не перепутал, Лёня? Ты не арабский шейх!

– Ты права. Поэтому ты с дочерью съезжаешь с моей квартиры. Сегодня же. Немедленно.

Глава 2

Олеся

Ужас опутывает меня, парализуя тело. В голове мигом проносятся картинки одна за другой, но чаще других фигурирует та, в которой мы с Анюткой бредем по улице, не зная, куда нам идти...

– Лёня, – выдавливаю, пытаюсь разглядеть на лице мужа хоть каплю сострадания. – О чем ты вообще? Куда мы пойдём?! Аня хочет спать, она еще не обедала даже...

– Не мои проблемы, – равнодушно пожимает плечами, даже не глядя в сторону ребенка. – Позвони ее папашке. Кажется, это обязанность родителей – заботиться о своих детях? Соберайся, Леся. Я устал от тебя. И да, – оборачивается в дверях спальни. – Не вздумай прихватить лишнего. Найду и...

На языке вертятся ругательства, и я с трудом себя сдерживаю, чтобы не бросить их в лицо Лёне. С него станется выкинуть меня босой с ребенком в подъезд. Раз он не брезгует выставить жену с собственной дочерью на улицу без денег, без работы и жилья... Бездушный... даже не знаю, кто. Потому что назвать Лёню мужчиной больше язык не поворачивается.

Осторожно кладу Аню в кроватку и открываю шкаф, доставая старый чемодан и большой рюкзак для мам. Мне приходится собрать вещи. Потому что спорить с мужем бесполезно. Если он, что-то решил, то переубедить его нереально. Еще небось и любовница подливала масла в огонь. Вот и решил одним ходом двух зайцев убить: избавиться от надоевшей жены и зажить счастливо с некой Леной.

В первую очередь складываю вещи дочери и ее любимые игрушки. Потом летят мои. Я не забочусь о том, чтобы сложить их аккуратно. Главное, чтобы все влезло. Сверху отправляются документы и, наконец, я достаю старую шкатулку.

Туда я складывала все деньги, что мне удавалось заработать и часть пособия на Аню. Как чувствовала, что заначка мне пригодится. Правда, я одалживала часть денег Лёне, но, раз мы расходимся, то он же вернет мне долг?... Муж же должен понимать, что мне надо на что-то снимать жилье и кормить ребенка.

Открываю шкатулку, и ледяной страх сжимает мое сердце. Руки слабеют, подрагивают, и шкатулка выпадает из моих рук с грохотом. На пол медленно летит одиночная пятитысячная купюра. Единственные деньги, что сейчас есть у нас с Анюткой. Хотя еще несколько дней назад было почти пятьдесят. Мы могли бы снять жилье на первое время и купить продукты, а сейчас... боюсь даже представить, что ждет нас с дочерью сейчас. Голод и вокзал. Или грязный овраг.

Охваченная праведным гневом, подхватываю расколовшуюся шкатулку и иду искать Лёню. Муж находится на кухне, где спокойно поедает суп, который я варила все утро с капризничавшей дочерью на руках.

– Леся, где деньги?

– Какие деньги? – бросает на меня ленивый взгляд и снова утыкается в телевизор на стене.

– Те, которые я откладывала для дочери. На которые мы должны были снять жилье. И часть которых я одолжила тебе. Верни, это не твое. Ты к ним не имеешь никакого отношения!

– Ах, эти, – прихлебывает суп. – Это я взял, да. Мне было нужно. Тех, что ты давала, не хватило оплатить поставку. Пришлось взять самому.

– Ты в своем уме?! – ору, позабыв про сон дочери. – Это наши с Аней деньги! Я их заработала! Знаешь, как это называется?! Воровство! Верни немедленно!

– А ну не ори! Сама где-то шлялась, а меня еще смеет обвинять! Я вас кормил, одевал эти два года. Вы тут бесплатно жили. Аньку своей считал, пока ты мне лапшу на уши вешала. Считай, это моя моральная компенсация.

– Бесплатно?! Но я готовила, убирала, стирала, ты ни разу не то, что в неглаженной рубашке, в мятых трусах ни дня не ходил! – я не хочу плакать, но влага упрямо скапливается в уголках глаз от жгучей обиды. – Я не изменяла тебе, Лёня! Да мне и некогда было, ты прекрасно это знаешь! Не знаю, зачем ты подделал эту справку...Еще и изменял мне все время, пока я ждала тебя дома...

Лёня швыряет ложку, я вздрагиваю и отступаю на шаг назад. Встает со своего места, громко матерится.

– Посмотри на меня, Леся! Я – темный, у меня голубые глаза. А у твоей дочери карие глаза и рыжие выющиеся волосы!

– Потому что Аня пошла в меня, я тоже рыжая, если ты не заметил!

– Вот только глаза зеленые! – рявкает Лёня, стучая кулаком по столу. – Откуда у нашей дочери могут быть карие глаза?! Вот у нас с мамой и возникли сомнения.

– Ну, конечно, не обошлось без твоей мамы!

Прикрываю глаза и глубоко дышу. Что-то доказывать бесполезно.

Я не понравилась Любви Григорьевне с первого взгляда. Конечно, я – простая студентка, живущая в общежитии. Не чета ее сыну, коренному столичному парню с собственной недвижимостью и работающему в престижной компании, а впоследствии открывшему собственное дело. Свекровь всеми правдами и неправдами старалась избавиться от меня. Сталкивала нас с Лёней лбами, ссорила. Но у нее ничего не выходило. До сегодняшнего дня. Уверена, что идея с тестом на отцовство принадлежит Любви Григорьевне.

– Короче, Леся, собирайся давай и вали из моего дома на все четыре стороны. Забудь о деньгах, я тебе ничего не должен. Хотя мог бы по-другому разговаривать за твой нае...обман. Не будь мелочной.

Лёня обходит меня и направляется в кабинет. Очень хочется сесть на пол и расплакаться, но я не имею права. Собираю себя по крупицам, всю волю в кулак и возвращаюсь к дочери. Она сладко спит в кроватке, подложив кулачок под щечку, и еще не подозревает, что нас ждет. Господи, кто бы знал, как меня пугает неизвестность...

Подхватываю мобильный и набираю Даниэлу. Может, удастся пару дней переночевать у подружки, а потом я придумаю что-нибудь...

Но и тут меня ждет облом – Даниэла с мужем и сыном на неделю уехали к свекрови. Эрике звонить даже смысла нет – они с семьей еще месяц пробудут за границей.

Я собираю вещи и опускаюсь на край кровати, окидывая спальню прощальным взглядом. Аня просыпается и сразу же крутит головой в поисках меня. Замечает, робко улыбается, сонно трет глазки и тихонько зовет меня.

– Я здесь, моя девочка, – подхватываю малышку на руки и прижимаю к груди. Вдыхаю неповторимый детский запах и немного успокаиваюсь. – Идем, пообедаем и пойдем гулять?

Дочь радостно кивает и широко улыбается. Прогулки Аня любит, поэтому проблем с этим не будет. Неизвестно только, сколько нам придется гулять...И где мы будем ночевать...

Обедаем, одеваемся, я подхватываю дочь, наши вещи, и мы выходим в коридор. Сумка и рюкзак выходят неподъемные, не представляю, как потащу это все на себе.

Я открываю дверь, делаю шаг, как в коридоре показывается Лёня. В сердце загорается надежда, что муж одумался, но также быстро гаснет.

– Ключи от квартиры отдай, – требовательно протягивает ладонь. Вкладываю связку, беру на руки Аню и тяну за собой чемодан. Не успеваю дойти до лифта, как дверь сзади оглушительно захлопывается. Даже не попрощался.

Пока мы собирались, на улице поднялся ветер и пошел крупный снег. Я бесцельно бреду по улице, обдумывая сложившуюся ситуацию и пытаюсь найти хоть какой-то выход.

– Мама, мама, – хнычет Анютка тоненьким голоском и протягивает мне ручки.

– Устала, моя девочка? Иди сюда.

На одну руку сажаю дочь, в другой качу чемодан, еще и рюкзак оттягивает плечи. Я уже прилично замерзла, пальцев ног совсем не чувствую, они окоченели. Устала безумно, но и остановиться не могу, потому что тогда мы с Аней замерзнем насмерть. Буквально.

Внезапно сзади раздается хруст, чемодан кренится, а поскальзываюсь и падаю на землю, больно ударяясь коленями.

Слезы обиды и бессилия катятся из глаз, и я не в силах их остановить. Крепко прижимаю дочь к себе, а сама трясусь от холода и боли. Анютка, похоже, чувствует мое состояние и тоже начинает капризничать.

– Не плачь, не плачь, солнышко...

Внезапно какая-то невиданная сила подхватывает меня за руки и ставит на ноги.

– Не стоит сидеть на земле в такую погоду. Простудитесь, – раздается над ухом низкий, бархатный голос.

Вскидываю голову и натываюсь на теплый взгляд янтарных глаз. У Анютки точно такие же, необычные.

Ловлю себя на мысли, что мужчина очень красив. Молод, высок и подтянут. Ему невероятно идет этот молочный пуловер под горло и темное пальто. Чуть вьющиеся волосы и немного нахальный и насмешливый взгляд делают его неотразимым. Чувственные, четко очерченные губы, легкая небритость, широкие плечи и спортивная фигура – этот мужчина определенно притягивает взгляды и заставляет проходящих мимо женщин всех возрастов сворачивать шеи.

– Спасибо, – шмыгаю носом и пытаюсь сдвинуть чемодан с места. Но он снова кренится, и я едва не падаю. Но в этот раз сильные руки удерживают меня и прижимают к сильному телу.

– Стоять, не падать. Пойдемте, я вас подвезу? – указывает на большой внедорожник, припаркованный на обочине.

– Нет, спасибо, мы сами справимся.

– И все-таки, – в низком хриловатом голосе проскальзывают требовательные нотки, – я настаиваю. У вас тяжелые сумки, а у очаровательной мандаринки уже красный нос. А у меня теплая и большая машина. И нам с вами по пути.

Незнакомец смотрит на Аню и подмигивает ей. Дочь хлопает глазками и не сводит взгляда с мужчины.

– Я же сказала...

Хочу вежливо, но твердо отказаться, но Анютка вмешивается в разговор. Она широко, до ямочек на пухлых щечках, улыбается, показывает пальчиком на мужчину и громко и четко произносит:

– Папа!

Глава 3

Олеся

Вспыхиваю, чувствуя, как щеки заливают краской. Зато Аня нисколько не смущается: шмыгает красным носом и улыбается до ямочек на щеках. Надо отдать должное, незнакомец не смутился, не начал возмущаться и выговаривать мне что-то. Улыбнулся также широко, как Анютка, до точно таких же ямочек. Как будто они... родственники.

– Нет, малышка, я не твой папа. К сожалению. Но я бы не отказался от такой невероятно красивой мандаринки.

Дочь, как истинная девочка, прячет личико у меня на груди и кидает кокетливые взгляды на незнакомца. На что мужчина откидывает голову и громко и искренне смеется.

– Да ты, мандаринка, будущая похитительница мужских сердец! Я бы посоветовал твоему папе купить ружье, чтобы отгонять женихов, которые будут толпиться вокруг тебя.

– Папа! – снова звонко выдает Анютка и тянется к мужчине обеими руками. Как будто просит его взять на ручки – Папа!

– Нет, солнышко, – резко выдыхаю, проглатывая слезы. Перехватываю дочь поудобнее, чувствуя, как мышцы буквально горят от неимоверной нагрузки. – Это не папа. Папа нас... – осекаюсь, понимая, что сболтну лишнего. Мужчине ни к чему знать, что муж выставил меня в непогоду с ребенком на улицу.

В груди печет, дышать нормально не могу из-за спазма, что окольцовывает горло. Обидно. Не за себя. На себя я давно забила и на многое закрываю глаза.

Обидно за дочь. Что вот эта очаровательная крошка не нужна родному отцу. Еще до своего рождения. И то, что у нас все наладилось, что Лёня изменился, что мы стали напоминать обычную семью... Ложь. Нас обеих жестоко и долго обманывали.

– Так, ладно, – незнакомец стремительно врывается в мои грустные мысли. Решительно перехватывает ручку чемодана и одним движением ловко снимает рюкзак. Я даже выдыхаю с благодарностью и облегчением. – Разговор мы продолжим в моей машине. А то у мандаринки не кудряшки, а сосульки. А мама вообще вся трясется. Заболеет, что будем делать?

Он прав. Абсолютно. Мне ни в коем случае нельзя болеть! Для этого неподходящее время, да и денег нет!

Мужчина с легкостью забрасывает наши вещи в багажник, потом открывает заднюю пассажирскую дверь и помогает запрыгнуть сначала Анютке, потом мне. Наши пальцы на миг соприкасаются, а по телу как будто пустили разряд электрического тока. По венам – чистое удовольствие. Сердце колотится с бешеной скоростью, а мысли превращаются в желе.

Схлестываемся взглядами. В его янтарных глазах – неприкрытый порок. Горячее желание, которое передается и мне. Тело снова сотрясает мелкой дрожью. Вот только теперь ни черта не от холода...

Я хочу его касаний. Хочу, чтобы его чувственные и, я уверена, умелые губы целовали меня. До дрожи и моих стонов. Откуда-то в душе ярко расцветает уверенность, что этот мужчина – чуткий и горячий любовник.

Как будто я уже пробовала все это с ним... Как будто мы уже были вместе. И я чувствовала на себе требовательные прикосновения сильных пальцев, жаркие поцелуи в самых сокровенных местах...

– Мама! – звонкий голосок Анютки вырывает меня из бредовых мыслей и рассеивает флер желания между нами. Сажусь рядом с дочкой и сразу же снимаю с нее шапочку и мокрые варежки. Беру ладошки в свои и тщательно растираю, чтобы согреть.

Незнакомец трясет головой и закрывает дверцу. Обходит машину и садится на водительское место. Он серьезен и задумчив.

– Папа, – Анютка, как заведенная повторяет это слово. Она Лёню не так часто называла, как этого мужчину.

– Простите. Аня почти всем мужчинам так говорит, – незнакомец ловит в зеркале заднего вида мой смущенный взгляд. – Ей не хватает мужского внимания...

– Ничего страшного. Мне даже приятно. Пофантазирую, что такая очаровательная крошка – моя дочка. Куда вас подвезти?

Закусываю губу и растерянно смотрю в окно. На меня как будто только сейчас в полной мере сваливается осознание, что нам с дочкой некуда идти. Хотя адрес ближайшего вокзала называй. Интересно, хватит ли тех несчастных пяти тысяч, что у меня в кармане, снять хотя бы место в комнате в каком-нибудь хостеле?..

– Лисичка?

– Что, простите? – резко поворачиваюсь и во все глаза смотрю на мужчину. – Откуда вы знаете, как меня зовут?

Мужчина удивленно хлопает глазами.

– Я не знаю. Просто ты очень похожа на лису. Грустную лисичку.

– Я Олеся. Но многие зовут меня Леся, Лесена, Лиса, Лисичка. Из-за цвета волос, – перекидываю волосы на одно плечо.

– А меня Даниил. Но предпочитаю, чтобы меня звали Дан. А мандаринка у нас, получается, Аня, да? – оборачивается и подмигивает дочке, широко улыбаясь. В который раз ловлю на мысли, как все-таки они похожи: глаза, улыбка, ямочки на щеках...

Но это невозможно! Я вижу этого мужчину в первый раз в жизни!

Вроде бы...

Сзади раздается сигнал других машин.

– Так, девочки, давайте сначала отъедем. Я припарковался в неполюженном месте и теперь здорово мешаю проезду. А по дороге решим, куда ехать.

Дан ловко выезжает на дорогу и встраивается в ряд. Я невольно засматриваюсь на мужчину, крепко прижимая притихшую Анютку к себе.

Почему он кажется мне знакомым? Мы определенно нигде не могли видаться раньше! Мы с разных планет! Он – успешный, явно богатый, уверенный в себе и красивый мужчина. А я – запутавшаяся и уставшая мать. В будущем – разведенка и мать – одиночка... Уверена, мы даже в магазины за продуктами ходим в разные!

– Дан, – его имя приятно перекатывается на языке. Хочется повторять снова и снова. – Мы не могли с вами раньше встречаться?

Мужчина хмурится, ловит мой взгляд в зеркале заднего вида. Атмосфера в салоне накаляется, становится тягучей. Между нами искрит, как будто... как будто есть какое-то притяжение. Снова ощущается желание.

Дан крепко задумывается, но все же выдает хрипло, медленно качая головой:

– Нет, Лисенок. Я бы определенно запомнил такую красотку. И никуда бы точно не отпустил.

Мои щеки снова опалает жаром, и я отворачиваюсь к окну, чтобы Дан не заметил, как мои губы растягиваются в смущенной улыбке от такого простого комплимента.

– Так куда вас отвезти, рыжик?

Сглатываю. Боже, как же стыдно в таком признаваться...

– В том-то и проблема, что я не знаю...

Глава 4

Олеся

Дан поворачивается ко мне, осматривает с ног до головы, как диковинную зверушку. Хмурится. Поджимает губы, о чем-то задумывается. Потом переводит взгляд на притихшую и уставшую мандаринку и вообще становится мрачным.

– То есть я правильно понимаю, что в такую погоду ты осталась на улице с маленьким ребенком, и вам некуда идти?

Мне хочется вжать голову в плечи. От того, что я такая бестолковая. Что столько времени убила на мужчину, который вытирал об меня ноги. Это я сейчас, с трезвой головой, оставшись на улице, понимаю. Что трусливо спрятала голову в песок и просто позволила себе плыть по течению. Угу. Доплавалась и погрязла в болоте проблем.

Мне стыдно. Стыдно дико, потому что я несу ответственность за свою крошку. И теперь ей приходится страдать по неосмотрительности собственной матери.

– Как-то так, да...

– Ясно, – Дан выдыхает и резко выворачивает руль, перестраиваясь в правый ряд и поворачивая на дорогу, ведущую к центру.

Растерянно хлопаю глазами. Внутри скребет неприятное предчувствие.

– Куда ты нас везешь?

– Домой. К себе. Не бросать же вас на улице.

И только сейчас я понимаю, что натворила! Села пусть и к располагающему к себе, но все же незнакомцу в машину. С ребенком! В случае чего я даже не смогу дать ему достойного отпора! Господи, какая же я безответственная мать! Меня только что жестоко предал муж, человек, которому я безоговорочно доверяла, а я снова на те же грабли. И не случайно, а с разбегу! С удовольствием! В омут с головой!

– Высадите, нас, пожалуйста, на автобусной остановке.

Дан хмурится и бросает на меня недовольный взгляд через зеркало заднего вида. А я смотрю на странно притихшую Анютку. И понимаю, почему обычно веселая и шумная дочка не издает ни звука. Уснула. Вымотана отсутствием нормального дневного сна, длинной прогулкой, а теперь ее просто разморило в уютном и теплом салоне Дана.

Взглянув на эту очаровательную крошку, которая доверчиво жметесь ко мне, как котенок к маме-кошке, решение зреет и крепнет в ту же секунду. Я сделаю это. Наступлю на горло собственным принципам. Не для себя. А для дочери.

Я сжимаю телефон в руке и решительно набираю номер. Слушаю длинные гудки, а потом в ухо летят короткие. Звонок сбросили. Но я упрямая, когда это нужно. Набираю еще раз. Картина та же. А потом и вовсе «абонент не абонент». Что ж, я хотела как лучше. Но в итоге поступлю так, как мне удобнее.

Но мою решимость перебивает холодное и уверенное:

– Нет.

– Прости, что нет?

– Я не остановлю на автобусной остановке. Ни на этой, ни на какой-нибудь другой. Мы едем ко мне.

Паника зарождается во мне стремительно, как тайфун проносится в моей душе. Неужели и правда я ошиблась в этом мужчине?! Маньяк?!

– О себе не думаешь, – как будто читает мои мысли и спешит успокоить, – о дочери подумай. Она замерзла вся, носик до сих пор вон красный. А у меня квартира большая, вы мне точно не помешаете...

– Нет, спасибо, – произношу твердо. Откуда только взялась эта решительность?! – Остановите возле остановки или возле стоянки такси. Вы едете в центр, нам с Анютой в другую сторону.

Дан сцепляет челюсти, стискивает руль до скрипа. Бормочет что-то невнятное, я лишь могу разобрать некоторые нецензурные слова и нечто, отдаленно напоминающее «упрямая девчонка».

– Могу я узнать, куда вы едете? – ловит мой напряженный взгляд и спешит пояснить. – Я все равно катаюсь по городу, пытаюсь разгрузить голову после сложного рабочего дня. А вы – моя компания на сегодняшний вечер. Мне совсем несложно подвезти вас туда, куда скажешь. Хоть в пригород.

Вздыхнув, закусываю губу. Размышляю несколько секунд, прислушиваясь к внутреннему чутью. И все же несмело называю адрес.

Вот только услышанное не нравится Дану.

– Это ты сейчас этот клоповник в интернете нашла?

Даже обидно становится, ей-богу.

– Нет, это квартира моей бабушки. И это обычный спальный район. Не элитная многоэтажка, конечно, но и не барак. Там сейчас моя двоюродная сестра живет.

– А почему ты там не живешь, а вынуждена бродить вечерами по улице в снегопад?

Хороший вопрос. Вот только, чтобы ответить на него, придется обнажить душу и рассказать все, как на духу. А я к этому не готова.

– Так вышло, – бурчу и отворачиваюсь к окну, сильнее прижимая к себе дочку. Украдкой смахиваю одинокую слезинку.

Глава 5

Олеся

Я – не нищая провинциальная оборванка, как думает моя свекровь, и не вышла за ее сына ради наживы. У меня имеется вполне состоятельная мать, правда, живет в другом городе, но оно и к лучшему.

Я сбежала от нее в пятнадцать лет после определенных событий, которые предпочла бы забыть. А маме мой побег был только в радость – скинула с себя ношу, мешающую устраивать личную жизнь. Мы с ней созваниваемся крайне редко, видимся и того реже. Но я стараюсь поддерживать какие-никакие отношения. Все же мама – это мама. И даже у меня есть приятные воспоминания из детства, связанные с теплом материнских рук, улыбками, с тортиками и угощениями, испеченными специально к моему дню рождения.

Но я все равно стараюсь держаться в стороне от своей властной матери. Потому что последние шесть лет у нас с ней полное взаимонепонимание. Я бы даже сказала, тотальное. Поэтому я стараюсь держать ее на обочине своей жизни. Настолько, насколько это возможно.

Спасибо бабушке по отцовской линии, которая забрала меня, приютила и растила, пока позволяли силы и больное сердце. Бабулечки не стало три года назад, и у меня до сих пор душа в ошметки. Если бы не она... боюсь, меня бы и не было на этом свете.

Бабушка оставила мне приданое в виде половины трешки. Вторую половину бабушка отписала моей двоюродной сестре Рите. Которая оказалась настолько ушлой, что сделала все, чтобы я добровольно покинула квартиру. Я держалась столько, сколько могла, очень рискуя. Поэтому, когда Лёня предложил жить вместе, я сбежала, сверкая пятками.

Но сейчас обстоятельства изменились. И я имею полное право вернуться в эту квартиру. Лучше туда, чем на вокзал с маленьким ребенком.

Всю дорогу до квартиры бабушки мы едем в молчании. Я прижимаю к себе дочку и вдыхаю ее неповторимый запах. Я всегда так делаю в минуты отчаяния. Это придает мне сил, помогает держаться и не падать духом.

Дан снова галантно помогает мне выбраться из машины и вытаскивает вещи, пока я осторожно укладываю спящую Анютку на плечо. Дочь настолько вымотана, что даже не просыпается. Лишь сладко вздыхает и поудобнее укладывается, обвивая мою шею маленькими ручками.

Вопреки моим сопротивлениям, Дан непреклонен и настроен решительно. Несет наши сумки до самых дверей.

– Я должен быть уверен, что вы с мандаринкой попадете в квартиру, а не будете ночевать хоть в чистом, но все же подъезде в обнимку с фикусом.

– У меня ключи есть, – демонстрирую и вставляю в замочную скважину. Открываю дверь и только тогда Дан облегченно выдыхает. С сожалением, как мне кажется.

– Хорошо. Пока. Спокойной ночи. Если что, звони, я тебе в сумку во внешний карман засунул свою визитку. Мандаринке привет, как проснется.

– Спасибо тебе большое. За то, что подвез. За равнодушие, поддержку... Ты сделал для меня больше, чем кто-либо за последние пару лет.

– Пустяки, Лисенок, – улыбается, снова демонстрируя очаровательные ямочки на щеках. Входит в лифт и оттуда машет рукой. – Звони, всегда буду рад поработать вашим личным таксистом.

– Пока.

Стараясь не шуметь и привлекать как можно меньше внимания, а заодно не разбудить мандаринку (какое звучное прозвище придумал Дан – прицепилось, и теперь даже я так называю свою очаровашку), я переступаю порог квартиры. И тут же вздрагиваю, напарываясь на пронзительный взгляд. И близка к тому, чтобы сбежать обратно. Лучше на вокзал, чем здесь, с ним в одной квартире...

Глава 6

Олеся

Передо мной стоит Георгий – парень моей двоюродной сестры Риты. И с ним у меня связаны далеко не радужные воспоминания. Он скалится и нахально оглядывает меня с головы до ног.

Я на грани того, чтобы похватать вещи и бежать без оглядки отсюда. Но тут же боль в мышцах дает о себе знать, Аня кричит, а ее даже во сне громко урчащий желудок напоминает, что пора покормить ребенка ужином. Да и погода точно не летная – пока мы ехали, снегопад только усилился. Поэтому я, пока не передумала, захопываю дверь и закрываю на замок, шелчок которого звучит как выстрел.

– Надо же, какие гости! – тянет Георгий, прислоняясь плечом к стене. Он буквально лапает меня взглядом, а мне помыться хочется. Желательно в хлорке.

– Гоша, кто там? – раздается где-то в глубине зала, а через несколько секунд за плечом мужчины показывается голова Риты. – Ты?! Сколько раз тебе говорить, чтобы не смела открывать квартиру своими ключами! У меня вообще-то личная жизнь есть!

– Вообще-то половина квартиры мне принадлежит. И я звонила тебе, а ты сбросила, а потом вообще отключила телефон, – устало замечаю, пытаюсь стянуть куртку с ребенком на руках. Кажется, Рита только сейчас замечает спящую мандаринку. Выпучивает глаза, выходит из-за спины своего парня и смотрит на Анютку, как на нечто инопланетное.

– Это что за ребенок?! – потом переводит взгляд на сумки за моей спиной. – Погоди, а ты вообще надолго сюда?

– Насовсем. И это моя дочь Аня.

Я подхватываю чемодан – инвалид и рюкзак, который тут же оттягивает мне руку, делаю шаг по направлению к бывшей бабушкиной комнате. Но дорогу мне преграждает Рита. Складывает руки на груди, прищуривается и шипит мне в лицо:

– То есть, ты нагуляла девчонку, мужик тебя выпер из дома, а ты вернулась сюда, чтобы портить мне жизнь?! Нормально устроилась! У меня вообще-то семья, своя жизнь тут. Мы с Гошей работаем, нам спать ночами нужно, а не слушать детские вопли!

Сцепляю зубы, чтобы не наговорить гадостей. Я не могу сейчас повысить голос, потому что Аня может проснуться и испугаться незнакомой обстановки и людей, которые враждебно настроены.

– Рита, отойди. Я все равно остаюсь, нравится тебе или нет.

– А мы тут ремонт сделали, чтобы подороже продать ее, – не унимается сестра. Мне это все надоедает, и я перебиваю ее:

– Но за столько лет так и не удосужились этого сделать. Отойди. Я хочу отдохнуть, устала за сегодня.

Сестра злобно и часто дышит, смотрит на меня исподлобья. Если бы взглядом можно убивать, мой прах уже бы развеяли по ветру.

Помощь приходит оттуда, откуда я вообще не ждала ее.

– Рит, да чего ты так завелась-то? – лениво выдает Георгий, улыбаясь только уголком рта. А в глазах все также плещется похоть. – Куда девчонки на ночь глядя? Да и места всем хватит. Давай, помогу, – несмотря на мои немые протесты, парень Риты выхватывает из моих рук чемодан и рюкзак и идет прямо по коридору.

Открываю дверь в комнату, и на меня обрушиваются воспоминания о бабушке вместе со спертым воздухом. Вытираю выступившие слезы на глазах и открываю окно, чтобы проветрить.

Осторожно опускаю дочь на кровать и раздеваю ее. Малышка настолько вымотана нашей «прогулкой», что даже не просыпается. Оглядываюсь по сторонам и понимаю, что здесь все так, как и было, когда я сбежала из этой квартиры три года назад. Никаким ремонтом и не пахнет. Здесь, кажется, и не убирались все это время.

Погладив дочь по рыжим кудряшкам и поцеловав в лобик, иду в ванную за ведром и тряпкой. Тщательно мою полы и протираю пыль, чтобы мы с дочерью не дышали этой грязью. В момент, когда я отжимаю тряпку в последний раз, Анютка распахивает глаза и садится на кровати.

– Мама! – тянет ко мне ручки и прижимается всем тельцем едва я подсаживаюсь к ней. – Ням-ням.

– Ням-ням, – растерянно повторяю, понимая, что растерялась и не озаботилась вопросом ужина заранее. Гляжу в окно на плотный снегопад с усилившимся ветром и все меньше хочу выходить на улицу даже до ближайшего магазина. Тем более, с ребенком на руках. Я просто банально не дойду, рухну прямо у подъезда. – Что же нам с тобой делать, мандаринка, а?

Ровно в этот момент раздается деликатный стук. Дверь открывается, и в проем просовывается голова улыбающегося Георгия.

– Олесь, там ужин на плите, холодильник в вашем распоряжении. Девчонка-то, наверное, кушать хочет.

Я лишь успеваю растерянно пробормотать «спасибо», как парень сестры также внезапно исчезает. Неужели люди меняются?..

– Ну, что, Анют, пойдем ням-ням? – улыбаюсь дочке, крепко ее обнимая и целуя в макушку. – Вкусно не обещаю, но стакан теплого молока, думаю, тетя Рита не пожадничает. А, может, даже и на суп расщедрится.

Хотя странно, что моя сестра с ее парнем снизошли до бедных родственников. Потому что в то недолгое время, что мы жили вместе, они частенько перехватывали мои продукты или приготовленную еду, даже не потрудившись поблагодарить.

Появившись на кухне, я догадываюсь о причинах доброты моих родственников. Рита нарезает хлеб, но стоит мне появиться в поле ее зрения, как она напрягается. Откладывает нож в сторону, поворачивается ко мне и прищуривается. Сестра продолжает меня сканировать, пока я сажаю мандаринку на стул и наливаю ей суп-лапшу. Под пытливым взглядом Риты ладони шалят. Я очень боюсь, что рука дрогнет, и я оболью свою малышку.

– Кушай, солнышко, – пересаживаю Аню на колени и кормлю ее с ложки. Она настолько проголодалась, что даже не спорит с тем, что не сама ест.

– Лесь, и все-таки, ты надолго к нам?

Глава 7

Олеся

Горько усмехаюсь. Так вот зачем эта псевдозабота. Чтобы прояснить квартирный вопрос.

– Я же сказала – насовсем.

– Серьезно?! – Рита повышает голос. Аня вздрагивает и испуганно жметесь ко мне. Поглаживаю дочь по голове и целую в макушку. Мандаринка расслабляется, но напряженно посматривает в сторону тетки.

– Не ори, ты ребенка пугаешь.

– Нет, в своем доме я еще и не могу делать, что хочу!

Рита раздраженно швыряет полотенце на столешницу. Упирается в нее бедрами и скрепчивает руки на груди. Понимаю, что сейчас будет неприятный разговор. Поем, видимо, в другой раз. Аппетит начисто пропадает.

– Мне это не подходит, – решительно заявляет Рита и вскидывает подбородок. – Скоро мы с Гошей женимся, – жених расплывается в гаденькой улыбке, от которой у меня мороз по коже.

– Поздравляю. Совет да любовь. Предлагаешь подарить вам долю квартиры в качестве свадебного подарка?

– А что, – гогочет Гоша, – было бы неплохо, да?

Рита недовольно шикает на парня и продолжает:

– Молодой семье нужно жить отдельно. Строить отношения, создавать уют и романтику. Ты и твой ребенок нам будете мешать.

На глаза наворачиваются непрошенные слезы. Опускаю голову, чтобы родственники не заметили моей слабости. Что же такое! Всем мы с мандаринкой мешаем! И своему отцу моя малышка не нужна, и родственникам, которые видят ее впервые, тоже успела дорогу перейти.

– Анют, ты покушала? – склоняюсь над дочкой и целую эту пухлую щечку. Сладкая до невозможности. Мандаринка кивает и улыбается. Прикрывает глазки и жметесь к моей груди. Меня затопляет счастьем, а ее улыбка и безграничная любовь дарят мне сил.

– Что ты предлагаешь, Рит?

Сестра приосанивается и гаденько улыбается.

– Мы с Гошей посоветовались и предлагаем тебе компенсацию за твою долю. Выкупаем, так сказать. По-родственному. Тысяч триста можем достать. И ты подпишешь бумаги у нотариуса и съедешь.

Ага, только куда? Этих денег даже на комнату в общежитии не хватит.

– Ты же прекрасно знаешь, что моя доля стоит гораздо больше. Минимум раз так в пять.

– Большого у нас нет.

В груди зарождается возмущение. И злость. Бабушка ведь нас любила одинаково. Всегда в гости звала, к нашему приходу готовила, как будто свадебный стол собирала. С крохотной пенсии откладывала, чтобы подарить дорогие подарки к праздникам или незаметно подсунуть денежку в карман.

Любила одинаково, несмотря на то, что Рита, когда бабушка заболела, стала появляться все реже. А когда та слегла, так вообще исчезла. Звонила раз в месяц, не чаще. Это больше походило на проверку, жива ли бабушка или нет. Когда бабулечка уходила, она ждала ее, звала. Я звонила Рите, но та не явилась, и бабушка так и умерла, не попрощавшись. Думаю, она все поняла, какая ее внучка на самом деле. Но все равно любила до конца своих дней и отписала ей половину квартиры.

А сейчас она хочет почти задаром получить мою долю. Если у нее это не получится, что она будет делать? Интересно, Рита в курсе, к какому именно методу прибегнул Гоша, чтобы выжить меня в прошлый раз?..

– Нет, Рит, – выпаливаю решительно, поднимаясь на ноги. – Нам с Аней это не подходит. Или плати полную стоимость моей доли или ютитесь с нами.

Иду в свою комнату, достаю любимое полотенце Ани с зайчатами. Купаю зевающую малышку, переодеваю в пижамку и укладываю на кровать, с одной стороны обкладывая дочь подушками, чтобы не упала. Глажу ее по волосикам, крепко обнимаю, и мандаринка быстро проваливается в сон.

Чего не скажешь обо мне. Кручусь, верчусь, но уснуть не могу, несмотря на усталость. По-хорошему, мне бы сходить в душ и переодеться. Но я не могу оставить Аню одну. Да и не хочется рыться в сумке, чтобы не потревожить сон дочери.

Я то проваливаюсь в дрему, то снова вынырываю из сна. Не могу полноценно расслабиться, потому что не чувствую себя в безопасности. Какая-то тревога гложет изнутри.

Глубокой ночью, когда я думаю, что все спят, жажда и голод все же гонят меня на кухню. Я несу ответственность за маленькую девочку и не могу себе позволить упасть в обморок.

Успеваю налить воды в стакан и немного отпить, как сзади раздается хриплый голос, и стальные пальцы смыкаются на талии, как капкан.

– Я так рад, что ты вернулась...

Глава 8

Олеся

В ноздри вбивается резкий запах алкоголя, смешанный с табаком и дешевым парфюмом. Мне становится мерзко. Тошнит.

Я распахиваю рот, чтобы закричать, но грубая шершавая ладонь затыкает меня. Георгий прижимается ко мне со спины. Упирается чем-то твердым прямо в ягодицы. Господи, пожалуйста, пусть это будет телефон!

Задыхаюсь. Все кружится перед глазами. Я сильнее сжимаю стакан в своей руке. И молюсь, молюсь, молюсь, пока грязные руки Гоши шарят по моему телу.

А ведь это все уже было... Только Гоша тогда был трезвым.

Это случилось через месяц после того, как не стало бабули. Через десять дней Рита пригласила Гошу жить в эту квартиру. Поставила перед фактом. Моих возражений она слушать не стала. Все, что удалось мне отвоевать – комнату бабушки для себя. Она гораздо меньше той, что досталась Рите и Гоше, но зато я не позволила осквернить помещение и сохранить память о бабушке. В этой комнатке мне всегда было спокойно, как будто бабуля была еще рядом. Как будто вышла на кухню приготовить мой любимый пирог...

Гоша сразу стал вести себя, как хозяин. Курил в форточку на кухне или на балконе, ходил по дому в трусах, не закрывал дверь в ванную. Еще и высмеивал меня, стравливал с Ритой. А она едва ли не волосы рвала мне, думая, что я хочу увести ее мужчину.

В тот вечер они что-то отмечали, я же, вернувшись с учебы поздно вечером, заперлась в комнате. Выжидала, когда эта парочка уgomонится и уйдет к себе. Когда на кухне все стихло, выскользнула из спальни и погрела себе остатки вчерашних макарон. Поужинала и мыла посуду, когда большая и потная ладонь зажала мне рот, а вторая поползла сразу за резинку домашних штанов. Я брыкалась и мычала, а Гоша гоготал и слюнявил мою шею.

В какой-то момент мне удалось вырваться. Я оттолкнула парня Риты и сбежала к себе. Из квартиры ушла этим же вечером. Благо, подруга приютила меня, а на следующий день помогла снять комнату. Бабуля и тут обо мне позаботилась и оставила небольшую сумму, которую хватило на первое время.

Рита даже не позвонила и не поинтересовалась, почему я ушла. Позже я поняла, почему. Встретила их одним вечером держащимися за руки в супермаркете. Я пыталась до этого рассказать обо всем Рите, чтобы задумалась, с кем живет... Но, увидев эту счастливую и наглую парочку, поняла, насколько была глупа. Со всех сторон. Меня просто выжили из квартиры. И показали, что со мной может случиться, если я останусь и буду мешать их жизни.

Уже от других людей я слышала, что Рита то расходилась, то сходилась со своим Гошей. Все же не раз ловила его на настоящей измене, но почему-то все время прощала...

Я много раз заикалась, чтобы продать квартиру и поделить деньги пополам. Но Рита отмахивалась. Когда я уже привела риэлтора, она нагло заявила, что свою долю продавать не будет, потому что на эти деньги ничего не сможет купить. А влезать в ипотеку не намерена.

А я... В один момент от злости на сестру я хотела продать свою долю семье из ближнего зарубежья в количестве пяти человек. Но в последний момент передумала. Все же память о бабушке. Рана от ее потери еще не зажила, и я оказалась не готова.

Поначалу мне кажется, что история повторяется, что жених Риты таким образом снова выживает меня и мандаринку из квартиры, но...

– Я тебя вспоминал, девочка... – шепчет Гоша, пихая свой язык мне в ухо. – Ты мне еще три года назад понравилась... Яркая, сочная, вкусная...

Кажется, сейчас этот урод всерьез. Потому что его пальцы уже скользят по кромке моих трусиков.

Я ору ему в ладонь, но бесполезно. Меня никто не услышит. Я перепугана до смерти. Перед глазами стоит беззащитная дочка и плачет. Потому что я знаю, что не смогу пережить насилия. Даже ради нее.

В руках лопается стакан, осколки вонзаются в кожу. Адреналин шпарит по венам, я не чувствую боли. Но выход из ситуации приходит в голову внезапно...

Гоша присасывается к моей шее, сжимает ее пальцами. И не замечает моих движений. А я перехватываю дрожащими пальцами осколок покрепче и полощу им по его руке.

– С**а!!! – орет на всю квартиру так, что закладывает уши. Пока урод зажимает рану, я вырываюсь из захвата, отталкиваю его так, что он падает куда-то в сторону, и со всех ног несусь в комнату.

Меня трясет так, что зуб на зуб не попадает. Захлопываю дверь и медленно сползаю по ней вниз. Слезы катятся из глаз, я до крови прикусываю губу, чтобы не завывать и не испугать мандаринку.

Глава 9

Олеся

Я трясусь и прислушиваюсь к малейшим шорохам за дверью. Даже удивительно, что за мной никто не погнался и не долбится в дверь. Но я все равно не чувствую себя в безопасности. Жду, что в комнату начнут ломиться в любую секунду.

Я нахожу в шкафу старое полотенце и обматываю им ладонь. Надеюсь, заражения не будет, потому что в ванную я не пойду сейчас даже под страхом смертной казни.

Все, чем я могу обезопасить себя и ребенка – притянуть кресло к двери. Осторожно ступаю к кровати, поправляю одеялко на Анютке и целую ее в лобик, давясь слезами. Прижимаюсь к ней, вдыхаю детский запах и возвращаюсь в кресло. Забираюсь в него с ногами, стягиваю шаль бабулочки, накрываюсь ею. Сразу становится спокойнее и теплее. Как будто бабушка крепко прижимает меня к себе и морщинистыми руками поглаживает по плечу. Она всегда так делала, когда пыталась меня успокоить после очередного приснившегося кошмара.

Бабуль, как же мне тебя не хватает... Как же жаль, что Анечка не узнает, какая у нее была бы классная и лучшая прабабушка!..

Утираю слезы, которые душат меня, окольцовывают горло. Прикрываю глаза и пытаюсь хоть немного подремать. Силы мне еще пригодятся.

Я то засыпаю, то вздрагиваю и просыпаюсь. И так несколько раз. Поэтому наутро просыпаюсь разбитая, все тело ломит, а перед глазами плывет. Не с первой попытки я справляюсь с головокружением. Встаю из кресла, разминаю затекшие мышцы. Подхожу к мандаринке, ложусь рядом с ней и глажу мою девочку по кудряшкам. Она хмурится, вытягивает губки во сне, что-то бубнит и просыпается. Распахивает самые красивые глазки на свете, натывается на меня и сразу же улыбается.

– Мама! – тянет и обнимает ручками за шею.

Прижимается ко мне, и я зацеловываю свою крошку. Мы нежничаем еще некоторое время, а потом все же приходится вставать. Я приоткрываю дверь, убеждаюсь, что в коридоре никого нет, и мы с мандаринкой украдкой идем умываться.

После, вооружившись хрустальной вазой из бабушкиной комнаты, совершаем набег на кухню. Удивляюсь, никого там не застав. Похоже, «хозяева» с утра ушли на работу. И даже убрались после вчерашнего. Потому что ни осколков, ни капель крови я не обнаруживаю.

Быстро разогреваю оставшийся суп для Ани. Еды осталось ровно на одну порцию. Я выпиваю залпом стакан воды и кормлю дочь. Поем где-нибудь в другом месте. Спасибо, Рита, за гостепреимство. Накушалась.

Надо убираться отсюда, пока никого нет. Я не чувствую себя тут в безопасности. В следующий раз могу не вырваться так просто. Я не имею права рисковать Аней. Страшно представить, что с ней будет, если меня не станет...

Наспех засовываю вещи, которые успела достать из сумки и одеваю дочь. Окидываю комнату прощальным взглядом и с вещами наперевес и дочерью в другой руке выхожу в коридор. Одеваюсь, смагиваю злые слезы и покидаю бабушкину квартиру. Наверно, навсегда.

На улице за ночь снегопад не только не успокоился, но валит так же плотно и сильно, как вчера. Я выдыхаюсь буквально через десять минут. Вещи оттягивают плечи, Аня капризничает и просится на руки. Я думала дойти до метро, там вроде есть пару хостелов... Но до него пешком идти еще минут двадцать...

– Мама, мама! Той! – Аня останавливается посреди улицы и хнычет.

– Мандаринка, давай еще немного походим, погуляем, а? – опускаюсь на корточки и едва удерживаюсь на ногах – голова кружится, перед глазами черные мушки. Еще и желудок сводит, который напоминает о себе громким урчанием!

– Неть, неть! – сильно качает головкой, еще и ножкой топает. Смотрит на меня, насупившись. А, заметив, что мама не спешит выполнять ее просьбу (вернее, переводит дух), плюхается на попку прямо посреди улицы.

Руки опускаются. Отчаяние топит с головой. Я тону в нем, и никто не подает мне спасительного кислорода.

Тяжело вздыхаю, сцепляю зубы и насилу улыбаюсь дочке.

– Ну, ты чего, мандаринка? – поднимаю ее на руки и чмокаю в носик-пуговку, вызывая задорный и звонкий смех крошки. – Чего вздумала капризничать с утра пораньше?

Я плетусь, как беременная улитка. Ноги и колесико чемодана вязнут в снегу. С меня катится пот, а ледяной пронизывающий ветер забирается под куртку и заставляет трестись от холода.

Останавливаюсь у дороги, чтобы перевести дух. Земля и небо меняются местами. Опускаю дочку на землю под ее возмущенный вопль. Опираюсь о столб и прикрываю глаза на секунду.

– Куда на этот раз бежишь, Лисенок? – сбоку раздается знакомый низкий голос. Резко поворачиваю голову в сторону Дана и улываю в темноту.

– Лесена! – слышу обеспокоенное и чувствую прикосновение горячих пальцев, прежде чем совсем отключиться.

Глава 10

Олеся

– Просыпайся, красавица. Не спи, зима приснится.

Мужчина со смутно знакомым голосом похлопывает меня по щекам. Сбоку раздается громкий плач, который рвет мне сердце. Я распахиваю глаза и рывком сажусь. Это фатальная ошибка. Картинка перед глазами идет волнами, а к горлу подкатывает тошнота. И я откидываюсь обратно. Оглянувшись по сторонам, понимаю, что нахожусь на заднем сидении уже знакомой мне машины.

– Очнулась? Очень хорошо, – широко улыбается Дан.

Увидев, что мама пришла в себя, мандаринка замолкает. Только плечики подрагивают, когда всхлипывает. Дочь льнет ко мне и двумя руками обнимает за талию. Прижимаю к себе и треплю мандаринку за щечку. Сил, чтобы еще как-то приободрить дочку, нет никаких.

– А то я не знал, как выключается сирена у мандаринки, – продолжает Дан, почесывая затылок. Подмигивает и улыбается Анютке. Ловлю себя на мысли, что от незнакомого мужчины моя дочь получила внимания и улыбок больше, чем от родного отца. – И люди думают, что я вас похищаю.

Перевожу взгляд за спину нашего спасителя и замечаю пожилую женщину, которая вцепилась в пальто Дана. С виду очень интеллигентная: береточка на голове, из-под которой выглядывают седые локоны, очки в строгой оправе, белая шуба из мутона и трость в руке. Боже, надеюсь, она ею не была Дана по спине?!

– Деточка, все хорошо? Полицию вызвать? – показывает зажатый в руке телефон.

Перевожу взгляд на хитро улыбающегося Дана. Да какой же он похититель?! Он очень красивый. Мужественный, харизматичный, сильный духом мужчина. Есть в нем какая-то особенная магнетическая мужская сила. А еще, несмотря на то, что я вижу его во второй раз в жизни, твердая уверенность, что он меня не обидит.

Дан направляет мою выбившуюся из-под шапки прядь волос за ухо и продолжает свое движение, подушечками пальцев касаясь щеки.

Длинные и сильные пальцы мягко касаются подбородка, заставляя поднять голову и смотреть незнакомцу в глаза. Большим пальцем проводит по нижней губе. На инстинктах высываю язык и кончиком касаюсь подушечки пальца. И как замороженная смотрю в эти карамельные глаза. Тону в них, теряя связь с реальностью. Но мне определенно нравится то, что со мной происходит, и те эмоции, которые я чувствую.

– Ты очень красивая девочка...

Видение всплывает в моей голове внезапно. Вспышкой. Я как будто сквозь дымку наблюдаю за собой. Как будто...это все было уже со мной! Эти пальцы, прикосновения и хриплый голос, так похожий на...Дана!

Что за игры памяти?! Я случайно не ударилась головой, когда потеряла сознание?!

– Лисенок? – Дан хмурится и больше не выглядит веселым и беззаботным. Он озадачен, также, как и я.

– А? Нет, нет, – перевожу взгляд на старушку. Пытаюсь улыбнуться. – Все хорошо, спасибо за вашу бдительность. Это наш знакомый.

– Ну, ладно, – женщина поджимает губы и еще раз окидывает прищуренным взглядом Дана. – Просто девочка так плакала...Мало ли зачем олигархам всяким похищать молодую девушку с ребенком среди бела дня...

Старушка удаляется, а мы с Даном прыскаем со смеху. Мандаринка, глядя на веселящихся взрослых, присоединяется к нам.

– Олигархом меня еще не обзывали.

– Извини, что тебе пришлось все это вытерпеть. И спасибо, что помог. Снова.

Я пытаюсь встать и сползти с сидения, но Дан преграждает мне дорогу. Упирается рукой в спинку сидения и смотрит на меня в упор.

– Далеко собралась, красавица?

А, действительно, куда? Сейчас скоро нужно кормить мандаринку, да и самой нужно перекусить. Потому что желудок уже прилипает к спине, а голова все еще кружится.

Опускаю голову и смотрю на свои сцепленные ладони. Мне нечего ответить Дану.

– Хватит геройствовать. Теперь будем поступать так, как я скажу.

Дан захлопывает дверь, закидывает наши нехитрые вещи в багажник и садится на водительское место. Оборачивается между сидений и широко улыбается Анютке, что продолжает жаться ко мне.

– Ну, что, мандаринка, в гости поедешь?

Дочка пристально рассматривает мужчину. Как истинная леди, склоняет голову набок и важно кивает. Чем вызывает смех Дана.

Мандаринка снова улыбается, поворачиваясь ко мне. И только за счастливые улыбки дочери и теплое отношение к ней незнакомого человека я готова его бесконечно благодарить.

– Тогда прошу занять места согласно купленным билетам, расслабиться и получать удовольствие.

Дан отъезжает с парковки, отвечает на входящий звонок и с кем-то обсуждает какую-то поставку. Боже, мы, наверно, отвлекаем его от работы, а он возится с нами...

– А скажи-ка мне, Лисенок, что это за прогулки с утра пораньше в такую погоду? Да еще и с вещами? Фетиш у вас такой, что ли?

– Так вышло, – бормочу, нервно сцепляя пальцы. Пока не оторвала себе что-нибудь, обнимаю двумя руками Анютку и стараюсь не смотреть в сторону Дана. Стыдно. Стыдно, что дочь в это все втянула...

– Вы ночевали где, девочки? Все-таки обнимали фикус?

– Нет, ночевали мы в квартире, в которую ты нас проводил. Только мы не могли там долго оставаться. Пришлось уйти.

– Очень интересно, но ничего непонятно, – бурчит Дан, хмурясь. Он становится серьезным. Я сталкиваюсь с его пронзительным взглядом в зеркале заднего вида. – Обидел кто, Лисенок?

Отворачиваюсь к окну. Желание вывалить все, как на духу, настолько сильное, что язык печет. Хочется, чтобы хоть кто-то когда-нибудь встал на мою защиту. Хочется хоть на вечер превратиться из Золушки в принцессу.

Но я упрямо прикусываю щеку изнутри, чтобы не проболтаться. Потому что это невежливо и некрасиво втягивать в свои проблемы незнакомого мужчину. Который второй раз за эти два дня меня выручает.

Анютка вертится и сморит по сторонам в окошко. Ей весело и интересно. А еще ей определенно нравится Дан.

И мне тоже...

– А куда мы едем? – спрашиваю, лишь бы отогнать из головы эти непрошенные мысли.

– Ко мне домой. И на этот раз это не обсуждается, Лисенок.

Глава 11

Олеся

Я украдкой поглядываю на Дана. Он даже за рулем умудряется выглядеть брутально и мужественно. Смотрю на сильные руки с сеточкой вен, и подгибаются колени. Боже, что со мной?! Я ведь никогда так не реагировала на мужчин... А тут при каждом взгляде сердце заходит в аритмии.

Пока я размышляю о своей реакции на незнакомца, Дан въезжает на территорию элитного жилого комплекса. Кивает охраннику у шлагбаума, и я про себя отмечаю, что просто так сюда не попасть. А, значит, Лёня не сможет добраться до нас с Анюткой. Он, конечно же, не звонил и понятия не имеет, где мы с дочерью находимся, но мало ли...

– Я не буду въезжать на подземную парковку, ладно? – Дан оборачивается и улыбается как будто виновато. – Мне нужно уехать по работе.

Мне становится стыдно и жутко неловко.

– Боже, у тебя наверно столько дел, а ты возишься с нами! Почему?

Дан прищуривается и хитро улыбается. Переводит взгляд на Анютку и подмигивает ей. Дочь, как настоящая девочка, кокетливо смотрит из-под полуопущенных ресниц и прячет лицо у меня на груди, следя за реакцией Дана.

– А что, мандаринка и Лисенок не могут мне понравиться настолько, что я захочу их забрать? Что скажешь, Анют?

– Дя, папа!

Дан искренне хохочет на ее важное заявление. И снова не поправляет. Поглаживает по щечке малышку, касается ее кудряшек.

– И все-таки, – тем временем я не унимаюсь. – Мы – чужие и незнакомые люди. Ты хочешь пустить нас в квартиру? Не боишься?

Бровь Дана изгибается в удивлении. Он смотрит на меня насмешливо, так, что мне становится неудобно. Хочется скорее отвернуться и вообще выйти из салона.

– Лесь, я давно в бизнесе. Можно сказать, что отец с детства натаскивал нас с братом. Я научился разбираться в людях. Ты – добрая, искренняя, неспособная на подлость. И очень честная. Тебе нужна помощь, а я... в состоянии тебе ее дать. Мне легко и приятно помочь вам. Тем более, буду откровенен – вы, девчонки, мне с первого взгляда понравились. Ваши отношения друг с другом. Это очень трогательно и мило. Хотя я ни разу не романтик. Ты, – переводит серьезный взгляд на меня, смотрит в упор. Понижает голос, и у меня мурашки по телу, а внизу живота – разливается приятное тепло. – Не скрою, ты очень красивая, Лесь. Зацепила. Как девушка. А я... я привык получать то, что хочу. Всегда.

Дан покидает салон, а я, кажется, только сейчас понимаю, что все это время почти не дышала. Сглатываю, пытаюсь переварить услышанное. У меня щеки горят от его слов. Хочется прижать ледяные ладони, чтобы остудить. По телу вибрация от пронзительного темного и порочного взгляда.

– Мама? – Анютка заглядывает мне в лицо.

– Все хорошо, моя девочка, – обнимаю крепко малышку и целую в румяные щечки. – Ну, что? Пойдем в гости к дяде Дану?

Самостоятельно выхожу из машины, чтобы не касаться мужчины. Каждое прикосновение – как пытка. Как разряд тока по телу. И с каждым разом сдерживаться все сложнее. И мысль, что я знала этого мужчину ранее, укрепляется. И она меня пугает.

Дан с легкостью берет наши вещи в одну руку, подхватывает Анютку под ее веселый задорный смех и уверенным широким шагом идет к подъезду.

– Лисенок, ты чего там плетешься? – оборачивается через плечо и вновь подмигивает, вгоняя в краску. – Помоги мне дверь открыть.

– Да-да, конечно.

Обгоняю эту парочку и подхожу к подъезду.

– Код: решетка, девяносто три, двенадцать, звездочка.

Открываю дверь и пропускаю Дана вперед. Входим в лифт, становлюсь в углу и чувствую, как воздух наэлектризовывается. Дан смотрит на меня в упор, улыбаясь одними губами, а я краской заливаюсь. И думаю о его словах...

– Громко думаешь, Лисена, – хрипло смеется Дан. – Я не маньяк и девушек никогда не принуждаю. Прошу.

Створки лифта разъезжаются, и мы выходим на широкую лестничную клетку. Здесь только две двери, и Дан ведет нас направо.

Открывает квартиру и пропускает меня вперед.

Глава 12

Олеся

– Только после дам, – шутливо выдает и опускает вещи и мандаринку на пол.

Анютка, приоткрыв ротик, восхищенно осматривается по сторонам. А удивиться есть чему. Квартира просто огромная. Видно, что над дизайном поработал профессионал. Он выполнен в выдержанных и строгих темных тонах в стиле лофт. Только вот здесь все как-то... безлико. Холодно, неуютно. Как будто не хватает заботливой руки. И квартира не используется по назначению, лишь для того, чтобы переночевать.

– Очень красиво.

– Только у меня слегка неубрано. Три дня назад уволил помощницу по дому – стала выполнять свои обязанности спустя рукава. А замену пока не нашел. Ну, пойдемте, девочки, я экскурсию вам проведу.

Я раздеваю Аню, которая тут же несется к Дану и тянет ему ручку. С замиранием сердца слежу за ними. Дан уверенно и, не колеблясь, берет Анютку за руку и ведет ее за собой.

– Лесь, где ты там застряла?

Спыхватываюсь, наспех раздеваюсь и скидываю обувь. Ступаю по кафельному полу и чувствую, как мои ноги оставляют след на плитке. Черт, ноги мокрые насквозь! Снимаю носки и босиком спешу к Дану.

Он с мандаринкой на руках стоит посреди огромной и светлой гостиной.

– Там кух... – осекается, встречаясь со мной взглядами. Скользит по моему телу и останавливается на босых ступнях. Мне так неловко, что я поджимаю пальцы на ногах. Но Дан понимает все без лишних объяснений: – Ноги промокли?

Киваю и опускаю голову, как будто в чем-то провинилась. Мне очень стыдно и неудобно стоять посреди этой роскоши перед одетым с иголки мужчиной. Чувствую себя неряхой и оборванкой.

Вот только Дана это ничуть не смущает. Он решительно двигается к барной стойке, что разделяет кухонную и гостиную зоны. Открывает шкафчик, достает бокал и бутылку явно с чем-то алкогольным.

– Тебе надо выпить. Не дай Бог заболеешь, нашу мандаринку заразишь.

«Нашу». Как сладко и волшебно звучит это слово из его уст. Но оно имеет пагубное свойство: я тут же начинаю мечтать. О том, что этот мужчина – мой, о том, что у Анютки появится отец. Настоящий, а не то жалкое подобие, которое представляет из себя Лёня.

– Дан, нет, я не буду. Я не пью.

– Так и я не спаиваю. Это лечебная доза, – Дан ставит стакан и уже подносит бутылку, и я вынуждена схватить мужчину за кисть.

– Я вообще не пью, – произношу настойчиво. – У меня необычная реакция организма на алкоголь. Я могу пить и никак не показывать, что я опьянела. Я буду общаться, веселиться, не выпадаю из разговора, а потом...

– Становишься буйным Халком?

– Нет, – грустно качаю головой. – Весь день стирается из памяти наутро. И приходится события восстанавливать по памяти. А еще... я становлюсь очень смелой и могу влезть в какую-то авантюру.

– Ух ты, – присвистывает Дан и с интересом поглядывает на меня. – Интересная реакция. Буду иметь в виду, – и подмигивает!

– Ты же не будешь меня спаивать? – хмурюсь и строго смотрю на мужчину, который теперь двумя руками обнимает мандаринку. А она и счастлива. – Иначе я буду вынуждена ничего не есть и не пить из твоих рук.

– У меня с самооценкой и общением с понравившейся девушкой все в порядке, – Дан понижает голос, и в нем звучат уже знакомые хриплые нотки. А еще в его глазах загорается огонь желания, который передается и мне. Сразу хочется свести ноги вместе. Боже, что творит со мной этот мужчина?! – У меня честные методы завоевания.

Киваю зачем-то и от волнения облизываю губы. На что карамельные глаза Дана вспыхивают, и он делает шаг вперед. Между нами – считанные сантиметры.

Боже, неужели он хочет меня поцеловать?!

Глава 13

Олеся

Я замираю и забываю, как дышать. Как будто Дан меня загипнотизировал. Он наклоняется, не сводит с меня взгляда и...

Непоправимому не дает случиться мандаринка. Она с веселым смехом обнимает меня одной рукой за шею, второй продолжает удерживать Дана. Виснет на нас, как обезьянка, моя проказница. Дрыгает ножками и сползает на пол. Тут же, что-то бормоча, убегает в гостиную, забирается на диван и прыгает, как на батуте, счастливая донельзя.

– Аня, что ты творишь? Нельзя, солнышко, слезай.

– Да брось, – останавливает Дан, не сводя восхищенного взгляда с моей дочки. – Пусть прыгает на здоровье. Кто-то же должен проверить этот диван на прочность.

Я вспыхиваю до корней волос от этой двусмысленной фразы. А Дан, видимо, осознав свою оплошность, спешит пояснить:

– У меня такой возможности не было. Я чаще прихожу сюда ночевать. Работы много. Лишь бы не упала. Это главное. А так вся квартира в вашем распоряжении. Я – не Синяя Борода, запретных комнат у меня нет, – мужчина снова рассматривает меня с интересом и задумчиво тянет, возвращаясь к предыдущей теме разговора: – И все-таки интересная особенность организма. Впервые о такой слышу. И что, совсем-совсем ничего не можешь вспомнить?

Качаю головой, закусывая губы.

– И когда в последний раз такое было?

– Два года назад. А ты?

– Что я?

Краснею, но все же почему-то спрашиваю:

– А ты когда-нибудь напивался до такого состояния?

Дан чешет затылок и как-то грустно усмехается. Мрачнеет, отводит взгляд.

– Все мы когда-нибудь напивались до потери памяти. И я – не исключение. Я совсем не ангел, Лисенок.

– И часто такое бывает?

– Нет. В последний раз такое со мной случилось тоже примерно пару лет назад.

В сердце что-то екает, в голове яркой звездой вспыхивает мысль, но громкая трель мобильного Дана не дает за нее ухватиться, и она гаснет.

Мужчина достает его из кармана, хмурится, глядя на дисплей и спешит ответить:

– Я скоро буду. Задержался, возникли непредвиденные обстоятельства. Да, хорошо. Можешь пригласить пока Алексея Дмитриевича с отчетом, пусть ознакомится.

Дан сбрасывает звонок и опускает телефон в карман брюк. Снова возвращается взглядом ко мне.

– Извини, мы тебя задерживаем. У тебя, наверно, будут проблемы на работе...

– Проблемы, – перебивает и чеканит строго, – у меня будут, если вы, рыжики, заболаете. Поэтому ты иди в душ, раз тебе алкоголь нельзя, а я пригляжу за мандаринкой. Ей, кстати, молоко можно? Аллергии нет?

Я хлопаю глазами, потеряв дар речи. Я не ослышалась? Дан сейчас сам предложил посидеть с моей дочерью? Маленькой шкодной девочкой? Господи, такие мужчины, что, существуют?!

– Олеся, – Дан щелкает пальцами у меня перед глазами, – прием. У Анюты есть аллергия на молоко? Ей бы теплого попить, чтобы не простудиться.

– А, нет, нет. Она его очень любит. Ты лучше иди на работу, я с ней сама...

– Лисенок, – Дан мягко, но строго давит голосом. – В душ. Быстро. Греться. Чистое полотенце, новый халат и тапочки в шкафу в левом углу.

Дан замечает, что я продолжаю топтаться в нерешительности и уверенно припечатывает:

– Лесь, я справлюсь. Правда. Я не наврежу мандаринке. Верь мне.

Я оттаиваю. Киваю, ни капли не сомневаясь в мужчине. Потому что уже ему поверила, когда согласилась поехать в его дом.

Глава 14

Олеся

Я иду в ванную, раздеваюсь и прямо на пол сбрасываю одежду. Мимходом бросаю взгляд на себя в зеркало и отшатываюсь. Хорошо, что я надела свитер с высоким горлом, и Дан ничего не заметил.

Урод Гоша оставил на мне свои отметины. Яркие синяки на бедрах и боках от его железной хватки. Засосы на шее и следы его пальцев, как будто он меня душил. Похоже, я была так напугана, что даже не чувствовала, с какой силой он меня сжимал в своих лапах.

Мерзость, от которой я старалась избавиться всю прошлую ночь, снова накатывает на меня, и я спешу зайти в душевую кабинку. Включаю воду погорячее, выдавливаю гель для душа побольше и тру, тру, тру, стараясь отмыться от той грязи, в которую меня с щедростью макнули за прошедшие сутки.

Выхожу из душа, когда кожа на подушечках пальцев сморщивается. Боже, за своими душевными переживаниями я совсем потеряла счет времени! А Дана ведь ждут на работе!

По-быстрому нахожу большой теплый мужской халат и тапочки. Заворачиваюсь в него, потуже завязываю пояс, прячу отметины на шее за распущенными волосами.

Выхожу из ванной и замираю на пороге гостиной, едва сдерживая слезы.

Лёня никогда не оставался с Анюткой. Ни разу не посидел с ней за эти полтора года даже дома. Измотанная готовкой, стиркой, уборкой, капризами ребенка, я с нетерпением ждала возвращения мужа с работы. Чтобы хотя бы по-человечески принять душ и хоть пятнадцать минут побыть наедине с самой собой.

Лёня никогда не отказывал, нет. Отпускал спокойно в ванную. Но уже через четыре, максимум, пять минут настойчиво долбился.

– Олеся, Аня в истерике бьется. Я не знаю, что с ней делать! Выходи!

Я порой даже голову не успевала намылить. Хорошо, если пот и усталость удавалось смыть. Я выскакивала едва ли не с голым задом, чтобы успокоить рыдающую дочь. А вся проблема заключалась в игрушке, до которой Анютка не могла дотянуться. Или в желании попить или поесть.

Когда я выходила, Лёня спокойно, не обращая внимания, что я не успела искупаться, ложился на диван и утыкался в телефон. Якобы по работе. Интересно, что смешного ему присылали сотрудники, что он гоготал на весь дом?..

Разумеется, ни о каком времени для себя и речи не шло. Все мои дела переносились на время, когда Аня засыпала. Отсюда и хронический недосып и проблемы со здоровьем. А меня еще и упрекнуть могли, если я смела намекнуть мужу, что можно было бы постараться понять проблемы родного ребенка.

– Я не намерен еще и дома потакать чьим-то капризам! – был мне ответ. – Достаточно того, что мне в офисе мозги имеют. Дома я хочу отдыхать! Я устал, если ты не понимаешь!

Понимаю. Конечно же, понимаю. Это только я не имела права на усталость или недовольство. Потому что меня принимали за обслуживающий персонал. А ребенка – за надоедливое домашнего зверька, не более.

И насколько же отличается отношение совершенно незнакомого мужчины...

Дан сидит на полу посреди гостиной, не боясь помять свои явно дорожные брюки. Аня, похоже, заставила мужчину притащить сумку с ее игрушками, и сейчас весь пол завален машинками, куклами, конструктором. А еще он нашел ее вещи, и теперь моя дочь переодета в футболочку и лосины вместо кофты и плотных колгот.

– Мандаринка, смотри какая башня у меня получилась!

Анютка подпрыгивает на месте и хлопает в ладоши. Совершенно не смущаясь, подходит к Дану и забирается к нему на колени. Протягивает кубик и восхищенно заглядывает ему в глаза.

– Ня! – и активно жестикулирует, показывая, что на вершину нужно водрузить еще один кубик.

Дан исполняет желание принцессы и замечает меня в дверях.

– Уже? Быстро ты. Согрелась?

И от его непритворной заботы и искренности у меня в горле ком, который никак не получается сглотнуть. И глаза печет от слез, что мгновенно застилают глаза.

– Да. Спасибо тебе.

– Не за что совершенно. Мне было в радость посидеть с малышкой. Она у тебя славная.

Дан аккуратно ссаживает мандаринку на пол, подходит ко мне, становится вплотную. Сердце снова сбивается с ритма, как обычно это случается в присутствии этого невероятного мужчины.

– Я должен ехать, Лисен, – Дан снова завораживает меня своим низким голосом и кармельными глазами, которые блуждают по моему лицу и норовят спуститься ниже, в вырез халата. – Чувствуйте себя как дома. Ни в чем себе не отказывайте. Мой номер у тебя есть. Я буду на связи.

– С-спасибо, – опускаю глаза, покрываюсь пятнами от такого пристального внимания. – Я...

Хочу добавить, что буду ждать его возвращения. Но вовремя прикусываю язык. Это прозвучит слишком... интимно. Я определенно точно не имею права на эту фразу после нескольких часов знакомства.

Дан вздергивает бровь, но молчит. Склоняется, как будто вдыхает аромат моих волос и снова запрокидывает голову за ухо. Невесомо касается щеки, вызывая россыпь мурашек по телу и острое, почти болезненное желание внизу живота.

Мое дыхание учащается, и я, чтобы избежать последствий, отступаю на пару шагов назад. Дан как будто приходит в себя и широким шагом идет к входной двери. Набрасывает пальто, надевает ботинки. Хватается за ручку, нажимает, но оборачивается в последний момент и выдает, вгоняя меня в краску:

– Тебе охренеть как идет мой халат и гель для душа, Лисенок. Весь день в офисе теперь об этом думать буду.

И выходит, оставляя меня в растрепанных чувствах.

Глава 15

Олеся

Возвращаюсь в гостиную, опускаюсь на диван, буквально стораю от смущения. В голову мысли разные лезут. Перед глазами все плывет от слабости, тошнота подкатывает к горлу.

Зачем он это сказал? Хотел смутить меня? Зачем наврал?! Ведь... ведь он не может меня хотеть! Не может! Я же...

От лишнего самокопания и анализа отвлекает мандаринка. Она подбегает ко мне, обнимает за колени и смотрит, невинно хлопая глазками:

– Мама, ням-ням!

– Ням-ням, – растерянно повторяю за дочерью.

Черт, а ведь действительно пора кормить ребенка, да и я все еще ничего не ела!

Но...

Дан не успел ничего мне показать на кухне, а рыться в чужих ящиках не в моих правилах.

– И как же нам быть, дочь?

Анюта начинает хныкать, бежит на кухню и старается вскарабкаться на стул. Тяжело вздохнув, наступаю на горло своим правилам и иду за мандаринкой. Можно, конечно, позвонить и спросить разрешения, но, я думаю, только помешаю Дану работать. Поэтому этот вариант отпадает. В конце концов, хозяин сказал чувствовать себя как дома. Так и поступим.

Помогаю забраться дочке на стул, но она едва подбородком достает до стола. Приходится вернуться в гостиную, взять подушечку и подложить под попку этой принцессе. Ей это, впрочем, очень даже нравится, и Аня задорно хлопает в ладоши.

– Так, давай посмотрим, что тут у нас есть...

Распахиваю холодильник, бегло оглядываю полки и понимаю, что выбор невелик. После ревизии обнаруживаю один болгарский перец, луковичу, чуть подвявший пучок укропа, несколько картофелин, помидор, четыре яйца и молоко. Слава Богу, не скисшее.

– Что ж, дочь, – подмигиваю нетерпеливо ерзающей мандаринке. – На обед у нас будет омлет.

– Уря! Ням-ням!

Осмеливаюсь и рыскаю по шкафчикам, чтобы отыскать сковороду. Нахожу не сразу, все же Дан прав: помощница по дому действительно неряшлива, потому что в шкафах царит бардак.

Готовлю омлет, нахожу тосты и раскладываю нашу нехитрую еду по тарелкам. Сажусь рядом с дочерью, и мы обе накидываемся на еду.

– Ммм, ням! – Анюта отправляет в рот кусочек омлетика и прикрывает глаза от удовольствия. Как, впрочем, и я. С уверенностью могу сказать, что эта еда – самая вкусная за последнее время.

Наевшись, мандаринка соскальзывает со стула и возвращается к своим игрушкам. Убираю со стола и попутно навожу порядок в шкафчиках и в холодильнике. Это выходит на автомате, само собой, у меня нет мысли что-то доказать и показать Дану. Просто нужно чем-то занять руки, да и дочка позволяет немного побыть наедине с самой собой – увлеченно собирает конструктор.

Спустя какое-то время понимаю, что позади меня становится подозрительно тихо. Резко оборачиваюсь и замечаю, что Анюта сидит у дивана и смотрит в одну точку.

– Утомилась, да, мое солнышко? – подхватываю малышку на руки и крепко прижимаю к себе, не удерживаюсь и целую ее в щечку. Аня забавно зевает и кладет голову мне на плечо.

– Бай-бай, – сонно бормочет, прикрывая глазки.

Не удерживаюсь и осторожно опускаюсь на диван вместе с малышкой. Крепко обнимаю, поглаживаю по волосикам и люблюсь моей мандаринкой.

Все, что не делается, к лучшему. Раньше, из-за тирании Лёни, его требований к постоянному порядку и вкусных обедов/ужинов, я не могла проводить времени с дочерью столько, сколько хотела. Не могла ей уделить достаточно внимания. Даже вот так полежать было роскошью, я молчу про отдых.

Сейчас же Дан мне подарил такую возможность. И я с удовольствием ею пользуюсь. Проваливаюсь в сон, крепко прижимая к себе малышку и вдыхая ее неповторимый детский запах.

Просыпаюсь оттого, что солнечный лучик попадает в комнату через незашторенное окно и светит мне прямо в глаз. Взглянув на настенные часы, понимаю, что проспала всего полтора часа, но несмотря на это, чувствую себя довольно бодрой и отдохнувшей. Как никогда раньше за годы замужества.

Чмокаю Анюту в носик и иду на кухню. Вспоминаю полупустой холодильник Дана, и меня накрывает нестерпимое желание его накормить. Побаловать. В морозилке нахожу стейки лосося, замороженную фасоль. Убираясь в шкафчиках, я наткнулась на спагетти. В принципе, сегодня голодная смерть нам не грозит.

Пока Аня спит, я ставлю запекаться рыбу и овощи. Отвариваю спагетти. Когда дочь просыпается, мы вместе с ней вытираем пыль, танцуя под веселые песни случайно обнаруженного музыкального канала. Я даже успеваю протереть полы, когда во входной двери проворачивается ключ.

Глава 16

Олеся

Мандаринка замечает Дана и срывается с места.

– Папа! Папа!

– Анют, это не...

– Не смущай ребенка, – пресекает мои попытки широко улыбающийся Дан. – Мне даже приятно, когда такая очаровательная принцесса так радостно и бурно меня встречает.

Он опускает большой бумажный пакет на пол и подхватывает дочку на руки. Подкидывает ее к потолку, на что Аня звонко хохочет. Я давно не видела ее настолько беззаботной и счастливой. Настолько тронута заботой и отношением Дана, что на глаза снова наворачиваются слезы.

– Исе, папа!

– Еще? – хитро улыбается Дан, щелкая ее по носу. – А что мне за это будет?

Моя хитрая мандаринка склоняет голову набок, как будто глубоко задумывается. Растягивает губы в довольной улыбке и...чмокает Дана в щеку!

Мы оба громко хохочем, аж до слез. Аня не понимает нашей реакции и растерянно смотрит то на меня, то на Дана.

– У вас, у девочек, это на генетическом уровне заложено, что ли? С такими талантами ты многого добьешься, мандаринка.

Дан исполняет желание Анютки: подкидывает ее в воздух еще несколько раз и опускает на пол. Егоза тут же уносится обратно в гостиную, достраивать домик, который мы с ней начали.

– Прости меня, – Дан снова подходит вплотную. Пристально смотрит сверху вниз. А мое бедное сердце снова колотится, как ненормальное. А от волнения ладони становятся влажными.

– За что?

– Я так торопился на работу, что забыл оставить тебе ключи...

– Ключи? Мне?!

– Да, – теперь черед Дана удивляться. – Вы – не пленницы, рыжики, а мои гости. Тем более, ребенку нужен свежий воздух, а в этом жилом комплексе хорошая детская площадка.

Хлопаю глазами, осознавая услышанное. Раскладывая по полочкам. И все равно не могу поверить, что Дан так легко нас пустил в свою жизнь. Почему? У меня нет ответа на этот вопрос.

– А еще я забыл оставить вам деньги...

– У меня есть деньги, – строго перебиваю. – Немного, но все же.

– Я рад. Купишь на них что-нибудь мандаринке. Все-таки обязанность мужчины – принести мамонта, то есть продукты в дом. А задача женщины – этого самого мамонта вкусно приготовить. Вы наверно голодные? В холодильнике ни черта нет, помощница забыла сходить в магазин перед увольнением. Да и готовила она, если честно, так себе...Я спешил, как мог, девочки. Вот здесь, – протягивает мне пакет, – я набрал в ресторане всего по чуть-чуть. Не знал, что вы любите. Разложишь пока по тарелкам? А я душ приму. Быстро, обещаю.

– Я немного похозяйничала у тебя на кухне, – выдаю тихо и смущенно. Почему-то щеки покрываются румянцем. – И приготовила ужин. Он, конечно, не такой, как из ресторана...

– Погоди, что? – брови Дана взмывают вверх. Он тормозит на месте и с интересом смотрит на меня во все глаза. – Ты приготовила? Ужин?! Из чего? У меня же в холодильникемышь повесилась. Типичная ситуация для заядлого холостяка.

– Ну, не совсем повесилась. Я кое-что нашла...

– К черту ресторанный еду, Лисенок. Хочу попробовать еду из твоих рук. Накладывай, я сейчас буду.

На кухню возвращаюсь с колотящимся сердцем. Волнуюсь дико. Как будто перед важным экзаменом в универе. Надеюсь, Дан оценит мои способности в готовке. Я, конечно, не шеф-повар, но очень старалась.

Все же выкладываю из пакета еду и продукты. Готовые блюда убираю на полки холодильника, а салат и фрукты красиво раскладываю на блюда. В тех же многочисленных ящиках я еще в обед нашла льняные салфетки, и красиво выкладываю их рядом с тарелками. Заканчиваю сервировать стол как раз тогда, когда Дан появляется на кухне. В серой футболке и спортивных штанах, низко сидящих на бедрах. Он настолько красив и привлекателен, что в животе все стягивается в тугий узел и требует разрядки. Даже ладони немного подрагивают.

Дан тяжело сглатывает и ошарашенно тянет:

– Это ты все...сама?

– Д-да...

– Охренеть. Как в элитный ресторан пришел. Давайте скорее садиться. Я сейчас желудок иначе проглочу.

Я зову Анютку, подсаживаю ее и придвигаю стул поближе к столу. Сажусь справа от Дана и внимательно слежу за его реакцией. Он отламывает кусочек рыбы, отправляет его в рот и прикрывает глаза.

– Бляяя, – осекается, натываясь на заинтересованный взгляд Анютки. Проглатывает нецензурное слово. – Это оргазм моего желудка, Лисенок. Ресторанная еда, которую я притащил – ерунда по сравнению с твоей рыбой, овощами и спагетти.

– Ты мне льстишь, – бормочу, заливаясь краской. Опускаю глаза в свою тарелку. Но признаюсь самой себе – слова Дана мне очень приятны. И я не могу скрыть довольной улыбки.

– Я говорю правду, Лесь. Врать и подлизывать не умею. У меня память короткая. Совру, забуду, буду путаться в показаниях...Нахрен. Готовишь ты божественно. Вкусно же, мандаринка?

– Дя! – тут же выпаливает дочь, еще и кивает важно. Она быстро разделалась со своей порцией и теперь спрыгивает на пол, чтобы снова убежать в гостиную.

С ее стула падает подушка, на которую обращает внимание Дан.

– Стол очень высокий для Анюты, – оправдываюсь, – я взяла ее с дивана.

– Правильно сделала. Надо будет купить ей детский стульчик.

– Дан...

– Лисенок, – перебивает мужчина. Он откладывает в сторону приборы. Становится серьезным, даже хмурится слегка. – Послушай, я так понимаю, идти тебе некуда, так?

– Да.

– Работы постоянной, как и садика или няни для Анюты нет, так?

– Так, – опускаю голову, вновь ощущая жгучий стыд. В руках салфетку тереблю. Я опустилась на самое дно этой жизни, еще и дочь маленькую потянула за собой. Что же я за мать такая...

– Тогда у меня есть для тебя предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Глава 17

Олеся

Вскидываю голову, внимательно всматриваясь в лицо Дана. Он откидывается на спинку стула и выглядит таким довольным, как будто выиграл джек-пот.

– Какое?

– Я предлагаю тебе стать моей помощницей по дому. С проживанием. В этой должности сплошные плюсы: готовишь ты божественно, сможешь быть рядом с дочкой постоянно, крыша над головой будет. Места у меня до хрена, и мне будет кайфово, если каждый вечер меня будут встречать такие восторженные крики Анюты и умопомрачительные запахи. Что думаешь?

А что тут думать? К сожалению, мне нечего противопоставить Дану.

– Я согласна.

– Вот и отлично. И Лисенок, – добавляет Дан, смягчаясь. В его глазах столько заботы, что на душе мгновенно теплеет. – Одно предупреждение.

Мгновенно напрягаюсь. Даже выпрямляюсь на стуле, внимательно глядя в глаза мужчины.

– Не будь такой перфекционисткой на этой должности. Я заметил, что ты еще и вылизала всю квартиру. А тебе нужно больше отдыхать. Если ты разок не помоешь полы или не вытрешь пыль, я от этого не умру, поверь. Договорились?

Широкая улыбка против воли расплывается на моих губах. Господи, как оказывается, приятно, когда о тебе заботятся... Давно забытое чувство. И такое нужное именно сейчас.

Несмотря на мои протесты, Дан помогает мне убрать со стола. Показывает, как пользоваться посудомойкой, и направляется в свою спальню. Оборачивается в дверях, чешет в затылке.

– Составь список необходимых продуктов и скинь мне в мессенджере. Заеду завтра после работы в магазин.

– Хорошо.

– Пойдем, покажу вам с мандаринкой спальню.

Дан проводит нас в комнату напротив своей, выдает чистое постельное белье. Заносит наши сумки, ставит у стены. Желает спокойной ночи и уходит к себе. Купаю клюющую носом Анютку, переодеваю ее в пижамку и укладываю спать. Дочь засыпает мгновенно, и я иду принимать душ.

Впервые я абсолютно спокойна, не дергаюсь на каждый шорох. Потому что в душе царит абсолютная уверенность – Дан, если что, подстрахует. Ему несложно, и он определенно точно не станет меня дергать, чтобы переложить заботу о малышке на мои плечи.

Выхожу абсолютно умиротворенная и по-своему счастливая. Ложусь рядом с мандаринкой, крепко прижимаю ее к себе и практически сразу же проваливаюсь в сон.

– Леся, Лисенок, проснись. Просыпайся!

Резко распахиваю глаза и сразу же фокусируюсь на обеспокоенном лице Дана. Я задыхаюсь.

– Давай, садись, – мужчина придерживает меня за спину, обнимает, а другой рукой утирает непонятно откуда взявшиеся слезы. Утыкаюсь лицом ему в плечо и глубоко дышу. Мимолетом в голове проскальзывает, что мужчина в одних трусах, но хоть в футболке, и непозволительно близко ко мне.

– Что случилось? – сиплю, все также цепляясь за его спину.

– Ты плакала и кричала. Лесь, – он замолкает на секунду, серьезно смотрит прямым в душу. – Кто такой Гоша, и почему ты просила его не трогать тебя?

Сглатываю и отвожу взгляд в сторону. Не хочу об этом говорить. Не сейчас. Думаю, вообще никогда не смогу признаться. Странно, чуть не изнасиловали меня, а стыдно почему-то мне.

Упрямо молчу, но Дан и не торопит с ответом. Внезапно отводит в сторону мои волосы, обнажая шею.

– Что это? Лисенок, это что, млять, такое?! – рычит, и я вздрагиваю. Тут же смягчается и поглаживает по спине. – Прости. Не будем. Не сейчас. Ты вся дрожишь. Испугалась?

– Да. Мне наверно приснился кошмар. Я ничего не помню.

– Ложись. Все будет хорошо, Лесена. Я вас в обиду не дам.

Я поворачиваю голову и проверяю мандаринку, поправляю на ней одеяло. Ложусь рядом, но лицом к Дану. Мне страшно засыпать. Страшно, что снова окунусь в кошмар. Я боюсь оставаться одна.

Наверно, рефлексы срабатывают раньше моего мозга, потому что я не знаю, как еще объяснить то, что я вцепляюсь в руку Дана мертвой хваткой и выпаливаю:

– Не уходи. Побудь, пожалуйста, здесь, пока я не усну.

Дан напрягается, нависает сверху, всматривается внимательно в мое лицо.

А мой мозг (или больное воображение) подкидывает очередную картинку.

Глава 18

Олеся

Он склоняется надо мной. Буравит взглядом. В нем горит огонь. Огонь страсти и желания. Кожаный диван, на котором я лежу, холодит открытый участок спины, и это ощущение немного приводит в чувство.

Но ровно до тех пор, пока мужчина снова меня не касается.

Он отводит волосы в сторону. Нежно, до мурашек по всему телу, касается кожи. Ведет по скуле, спускается на шею. Продолжает дорожку, доходит до груди. Обводит одно полушарие. И даже сквозь ткань прикосновения этого незнакомца обжигают. По венам как будто раскаленная лава бежит. Мое тело выгибается ему навстречу.

– Еще! – сиплю и языком облизываю вмиг пересохшие губы.

– Что «еще», Лисичка? – голос мужчины хрипит, и его реакция заставляет каждую клеточку моего тела вибрировать.

Я. Это я на него так действую. Он меня хочет! Значит, я могу быть желанной для мужчины...

– Поцелуй, – требую, притягивая мужчину за галстук. Выдыхаю ему в губы: – Я хочу, чтобы ты поцеловал меня.

В ожидании мир сужается до нас двоих. Все остальное отходит на второй план. Он где-то там, за пределами этого кабинета...

И он целует. Склоняется, касается языком местечка за ухом, заставляя все внутри трепетать. Откидываю голову назад, выгибаюсь в его руках, которые скользят по моему телу, изучают. Приручают.

Мужчина губами повторяет дорожку своих пальцев, целует грудь через ткань платья.

– Боже.

– Ты охренеть какая красивая. Яркая. Податливая. Горячая...

Тяну руку, чтобы коснуться его. Внезапно сильной хваткой он вцепляется. Смотрит на пальцы. На мгновение в его глазах мелькнул гнев. Лицо ожесточилось.

Недоумеваю, не понимаю таких резких перемен. Как будто впервые вижу кольцо на безымянном пальце. Перед глазами – лицо Лёни, о котором я не вспомнила за эти минуты.

Господи, как стыдно! Как... грязно. Как я могла так опуститься?!

Вырываюсь, хочу встать и скорее вернуться в зал к мужу. Он наверно меня ищет. Если смог оторваться от той жгучей брюнетки...

Но незнакомец не позволяет.

– Тшшш... Он не будет против, – пьяно бормочет.

Что?! О чем он?! Про Лёню?! Что за бред?!

Мужчина не дает мне подумать обо всем. Захватывает в плен мои губы, и снова в этом мире остаемся мы вдвоем...

Моргаю несколько раз, чтобы согнать морок. Что за игры воспаленного сознания?! Что за горячие сцены?! Сказывается нехватка интима в моей жизни и романтики?! Что. За. Бред?!

Заглядываю Дану в лицо. Он тоже выглядит озадаченным. Внимательно рассматривает меня, хмурится. Склоняет голову набок, как будто... пытается вспомнить. Но это его состояние быстро проходит, и спустя несколько долгих секунд Дан расслабляется и снова тепло улыбается.

– Конечно, я побуду с тобой. Спи.

К моему изумлению он ложится рядом поверх одеяла. Не пытается как-то коснуться или намекнуть на что-то большее. А мое сердце все равно подскакивает к горлу и трепещет. Вдохнуть нормально не могу – сразу голова кружится от запаха этого мужчины.

Незнакомец пах точно также: цитрусом и мятой, – снова болезненно всплывает в мозг. Какого черта со мной происходит?! Я схожу с ума?!

Дан взглядом интересуется все ли нормально, можно ли ему остаться. Киваю, слегка улыбаясь.

– Иди сюда, – мужчина притягивает меня к себе на грудь, осторожно обнимая одной рукой. – Спи, я рядом.

Несмотря на относительно спокойный вид Дана, я чувствую, что он на взводе. Взбешен. Едва сдерживается. Стискивает кулак до отчетливого хруста костей. Закусив губу, ласково провожу по руке. Стараюсь успокоить.

– Все хорошо. Со мной правда все хорошо.

Дан усмехается и качает головой:

– Это я должен тебя успокаивать, а не ты меня. Судя по всему, – скашивает взгляд на отметины на моей шее, – тебе здорово досталось.

– Все в порядке, правда, – и снова слова вырываются до того, как я успеваю их обдумать. – Ты рядом, и все хорошо.

Дан тяжело вздыхает. Обнимает крепче. Гасит ночник и невесомо целует в макушку.

– Спи, Лесена. Мы это обсудим завтра.

Думала, что не смогу и глаз сомкнуть, буду волноваться и чувствовать себя дискомфортно в объятиях этого мужчины. Но, на удивление, в душе разливается умиротворение от его присутствия. Уверенность, что мы с мандаринкой под надежной защитой. Под его защитой.

Меня, как мягким покрывалом, накрывает спокойствием, и я засыпаю.

А утром обнаруживаю себя в постели в одиночестве, как будто Дан и его сильные руки мне приснились...

Глава 19

Олеся

Утром я снова просыпаюсь раньше мандаринки. Ложусь набок и наблюдаю за ней. Не верю, что я – мама этой очаровательной малышки. Любуюсь, как Анюта смешно дует губы и подкладывает ладошку под щеку.

Чем дольше смотрю, тем больше вижу в ней... Дана. Хотя и понимаю, что это невозможно, но ничего не могу поделать со своим подсознанием. Ему так хочется, чтобы родным отцом моей дочери был этот замечательный мужчина. А не мой муж, который до сих пор даже не позвонил, чтобы узнать, как мы, где мы. Занят, наверно. Все же его Лена, или как там ее, ждет от него ребенка. Интересно, а в этот раз в своем отцовстве он уверен? Или снова мама сделает тест ДНК?

Чтобы переключиться с неприятных мыслей, вспоминаю, как Дан трепетно обнимал меня ночью. Как сильнее прижимал к себе, стоило мне хоть немного пошевелиться. И снова картинка видения перед глазами. Горящий взгляд. Обжигающие прикосновения.

Я схожу с ума. Это игры воспаленного мозга. Мои неудовлетворенные желания, чтобы оно так было. Случилось. Именно с этим мужчиной.

Поворачиваюсь на спину, гляжу в потолок. Хватаю с тумбочки телефон. Мне нужна помощь. Выговориться хоть кому-то. Иначе я точно тронусь умом и перепутаю реальность и свои фантазии.

Я почти набираю Дане, как взгляд цепляется за часы. Еще слишком рано. Она с Русланом еще наверняка спят. Откладываю телефон в сторону. Позже обязательно позвоню.

Решительно поднимаюсь с кровати, иду в ванную. Привожу себя в порядок, чтобы только не думать, не пускать в мысли Дана. Это может быть чревато.

Осторожно прикрываю дверь и выхожу в коридор. В квартире звенящая тишина. Пустота. Обхожу гостиную и кухню, но Дана нигде нет. Я могла бы подумать, что ему стало неудобно лежать на самом краю, тесно, и он ушел к себе, но чувствую, что в этой огромной квартире мы с мандаринкой вдвоем.

Стараюсь держать себя в руках, но все равно расстраиваюсь. Он не оставил ни записки, ни сообщения в телефоне, – ничего. Только ключи лежат на тумбочке.

Мне кажется это плохим знаком, и я спешу на кухню, чтобы приготовить завтрак. Мне нужно отогнать плохие мысли и чем-то занять руки.

Мандаринка просыпается не в настроении. Первым делом, распахнув глаза, она спрашивает:

– Папа?

– Малышка, Дан ушел на работу, его дома нет.

Но она как будто не слышит меня. Соскакивает с кровати и, игнорируя маму, идет на поиски «папы». Когда лично убеждается, что в квартире его нет, плюхается на попку и ревет. Взахлеб, громко, до икоты. Я впервые за полтора года материнства сталкиваюсь с подобным поведением дочери и в первые минуты теряюсь. Пытаюсь взять ее на руки и успокоить, но все тщетно.

– Солнышко, но Дан же вернется, вечером ты увидишь его. Пойдем, мандаринка моя, почистим зубки...

С трудом мне удастся увести дочь в ванную. И даже любимая зубная щетка с единорогом не радуется сегодня. Анютка куксится и дует губы. Скрещивает руки на груди и смотрит на меня сурово.

С трудом переодеваю ее и расчесываю волосики. Собрать кудряшки в хвост Аня не позволяет, и приходится оставить их распущенными.

В гостинной мне немного удается отвлечь мандаринку любимым мультиком и куклой. На скорую руку готовлю завтрак: дочери овсянку, которую нашла вчера в одном из ящиков, себе варю кофе и делаю овощной салат. На всякий случай делаю омлет и для Дана. С надеждой, что он придет домой. Глупо, но я не могу дать объяснений своему поступку.

Мандаринка не хочет есть кашу, упрямится. Сжимает губы в тонкую полоску и мотает головой. Мое терпение на исходе, и я даже отхожу к раковине попить воды и успокоиться. Понятия не имею, какая муха сегодня укусила мою всегда кроткую и скромную дочь.

За своими переживаниями я не слышу, как в замке проворачивается ключ, а секундами спустя на кухне появляется Дан.

– Доброе утро, рыжик!

Анюта вскидывает голову, радостно взвизгивает и спрыгивает со стула.

И тут случается катастрофа.

Глава 20

Олеся

Аня так торопится к «папе», что задевает рукой тарелку, полной каши, и опрокидывает ее на пол. Каша разбрызгивается по сторонам, попадает на ножки стола, стульев, на гарнитуры и, конечно же, на ноги Анютке. Но она не замечает этого. Несется к Дану, шлепая по полу, и оставляет следы из каши.

Останавливается рядом с Даном и счастливо прыгает на месте. Как обезьянка, цепляется за мужчину и пытается вырвать из его рук букет цветов.

– Черт, – Дан озадаченно смотрит на Анютку. – Я не подумал, что девочки с рождения девочки. И цветы любят с пеленок.

Переводит растерянный взгляд на меня. А я вдохнуть лишний раз боюсь. Замерла, как статуя, и подсознательно жду взрыва. Волны гнева, которая сметет меня начисто.

– Лисенок? Лесь! – зовет настойчиво. Пока мы переглядываемся, Анюта таки добирается до букета. Едва удерживает в руках, но, как истинная леди, прячет в цветах личико и глубоко вдыхает тонкий аромат. – Лисичка, ты меня пугаешь. С тобой все в порядке?

Нет. Со мной точно не все в порядке. Мне страшно.

Всем известно, что дети рождаются беспомощными. И папа с мамой с самого рождения учат их базовым вещам. Все это знают и понимают. Кроме моего мужа.

Пока Анюта училась кушать самостоятельно, она не раз опрокидывала тарелки, разбрасывала кашу, роняла ложки. Лёня был в бешенстве. Орал так, что стены дрожали. Аня всегда плакала и тянула ручки ко мне. Искала защиты. И, разумеется, после такого скандала напрочь отказывалась кушать. Приходилось отвлекать и ждать, пока Леня уйдет из кухни. А еще лучше – из квартиры.

Я понимаю, что Дан другой. Совершенно. Его с Леней даже сравнивать кощунственно. Но ничего не могу с собой поделать. Забыть тиранию очень сложно. Она, к сожалению, не лечится по щелчку пальцев. Поэтому я втягиваю голову в плечи и подсознательно жду бури.

– Лесь, ты меня пугаешь, – Дан подходит ко мне, нависает сверху, смотрит обеспокоенно. Его взгляд то и дело сползает к следам пальцев на моей шее. Он злится, но старается держать эмоции под контролем. – С тобой точно все хорошо?

– Да. То есть нет. Извини.

– Таааак. А теперь спокойно и по порядку. Что случилось? Я ведь только за хлебом и булочками к завтраку сбегал. Раннее утро, а ты уже дерганая.

Закусываю губу, прячу ладони за спину. На миг прикрываю глаза и выпаливаю:

– Каша.

– Что «каша»?

– Аня уронила тарелку, и каша разлилась, – киваю ему за спину.

– Я видел. И?

– И все.

– То есть все? – его глаза округляются, и мужчина хмурится. – То ли лыжи не едут, то ли я...

– Я знаю, что это, возможно, глупо, – начинаю сбивчиво тараторить, но держать в себе больше не могу. – Но я испугалась, что ты можешь... разозлиться из-за беспорядка, который Аня устроила. Я все уберу, просто я растерялась...

Дан не сдерживается и припечатывает крепким словом.

– Леся, да мне насрать! Главное, что она не пострадала и довольна. А полы всегда можно вытереть! – его взгляд становится острым и серьезным. – Забудь, что было в твоей прошлой жизни. Я не такой. Я не обижу вас.

Киваю и облегченно выдыхаю. Наверно, чтобы понять и выбить это себе на подкорке мозга, Дану еще не раз придется повторить это вслух.

– Извини. Мне... мне все еще сложно.

– Привыкай. Вокруг достаточно нормальных мужиков, не стоит всех ровнять на одного козла. А вот из-за своих сомнений ты осталась без своего сюрприза, – кивает за спину, где моя мартышка сидит в обнимку с букетом на диване и восторженно рассматривает цветочки. – Я, между прочим, за ним через два дома бегал. Под снегом. Порадовать тебя хотел.

– Прости, – смущенно улыбаюсь. – Я уберусь, пока моя егоза не размазала кашу дальше.

– Согласен, – закатывает рукава толстовки. – Ты давай хватай мандаринку, отмоешь ее и переоденешь, а я полы протру.

Я замираю посреди кухни с раскрытым ртом. У меня опять галлюцинации?!

– Ты, прости, что?

– Уберу следы возмущения одной своенравной мандаринки. А ты будешь мыть эту принцессу. Лучше раком по кухне ползать, чем потом мокрым из ванной выбегать, – коварно добавляет этот мужчина, и мы вместе смеемся.

Пока я отмываю одну чумазую мартышку, переодеваю ее, себя, Дан справляется со своей задачей на ура. Кухня просто сверкает к нашему приходу.

– Обалдеть, – выдыхаю, оценивая проделанную работу.

– Ты так удивляешься, как будто я подвиг совершил.

Бросаю на него короткий взгляд и молчу. Он и понятия не имеет, насколько сейчас попал в точку. Стоит ли говорить, что Лёня даже не убирал за собой посуду со стола, потому что не считал, что это входит в обязанности такого brutального мужчины, как он?..

Я спешу скорее накрыть на стол, и вот мы дружно завтракаем божественными круассанами, салатом и омлетом. Аня уже в хорошем настроении сбегает в гостиную, чтобы снова раскидать все игрушки, а мы с Даном остаемся вдвоем. Мужчина тут же становится серьезным. Даже кружку в сторону отставляет.

– Лисенок, мне надо знать...

– Да?

– Тот, кто это сделал, – снова впивается взглядом в мою шею, и я машинально прикрываю ее пальцами и волосами, – он... причинил тебе... вред? Тронул тебя? Ты понимаешь, о чем я.

Я понимаю. Понимаю также, что Дан сейчас более чем деликатен и подбирает каждое слово. Он напряжен, как будто от моего ответа зависит его жизнь. С силой сжимает кулаки, замирает и не сводит с меня обжигающего взгляда карамельных глаз.

– Нет, нет. Он... не успел, – перевожу взгляд на мандаринку, которая не отходит от букета в вазе. – Спасибо за цветы. Очень красивые. Это так мило...

– Совершенно не за что. Неожиданно открыл в себе, что мне нравится вас баловать, – Дан кидает взгляд на циферблат часов на запястье. – Мне пора бежать на работу. Я буду ждать список продуктов, оформлю доставку. И да, – достает из кармана карточку, – это вам на мелкие расходы. Лимита нет, ни в чем себе не отказывайте.

– У меня есть деньги.

– Я это уже слышал. Пусть будут еще. Лишними не будут.

Дан уходит, на прощание чмокнув в щеку до безобразия счастливую мандаринку.

А я возвращаюсь на кухню, чтобы убрать посуду, но вместо этого падаю на стул. Пытаюсь осмыслить все, что происходит. Отношение Дана, его поведение, когда увидел следы от Гоши, его заботу... Эти чертовы то ли воспоминания, то ли фантазии...

Решительно достаю телефон из кармана и набираю Даниэла. Мне нужен кто-то, кто убедит меня в том, что я нормальная. А еще в том, что, будучи замужем, не влюбилась в мужчину, что протянул мне руку помощи на улице. Хотя, кому я вру... Конечно же, я уже начинаю в него влюбляться...

– Алло?

– Даниэла, я, кажется, сошла с ума...

Глава 21

Олеся

В трубке раздаются шорохи, треск, ругательства.

– Повиси минутку, хорошо?

Киваю, хоть подруга меня и не видит. Вцепляюсь в край стола, как будто пытаюсь удержаться в этой реальности.

– Анастасия Павловна, приглядите за Русланом, пожалуйста, – подруга произносит приглушенно, – у меня важный разговор.

Свекровь что-то отвечает Дане очень ласково и заботливым тоном. Я по-доброму завидую подруге. Мне сразу же вспоминается мать Лёни.

У меня никогда не было таких теплых отношений со свекровью. Она невзлюбила меня с первого взгляда и ненавидела, кажется, даже за то, что я дышу. Просто потому, что я не их круга. Что у меня нет того состояния, как у их семьи. Потому что я отняла у нее сына, посмея «женить» на себе. А уж когда забеременела... Слово «аборт» я слышала гораздо чаще, чем собственное имя за всю свою жизнь.

– Что случилось, моя хорошая? Рассказывай, – решительно заявляет подруга.

– Я... Дана, я схожу с ума.

– А конкретнее?

– Мне, – прикрываю глаза. Стыдно признаваться в таком даже близкой подруге! – Мне кажется, я Лёне изменила...

На том конце провода воцаряется гробовая тишина. Как будто связь прервалась. Но нет, оператор исправно отсчитывает секунды, вот только Даниэла почему-то молчит.

– Дана? Ты слышишь меня?

– Слышу. И очень хорошо. Просто думаю...

Сглатываю. Заламываю пальцы.

– О чем?

– Как бы так поделикатнее Алана за шампанским отправить! – весело заканчивает подруга и счастливо хохочет. – Я рада за тебя!

– Рада? – глупо переспрашиваю.

– Ну, конечно! Тебе давно надо было бежать от своего Лёни. Мы с Эрикой давно тебе это твердим. Даже денег предлагали, но ты же гордая, упрямая...

Вздыхаю. Все так и есть. Сначала у меня не было возможности – я оказалась беременной, без работы и жилья. У девочек были свои проблемы, поэтому я выплывала как могла. А потом, когда девчонки предложили помощь, у нас вроде как все наладилось... И получилось то, что получилось...

– Ну, скажи, – заговорщическим тоном продолжает подруга, – тебе понравилось?

– Даниэла, ты все не так поняла...

– В смысле? Ты же сама сказала, что изменила Лёне...

– Да, но не совсем так... В общем, мне постоянно мерещится, что я изменила мужу. Не в первый раз. С одним мужчиной, – умалчиваю, что он похож на того, у кого я сейчас живу. – И я думаю... мне кажется, что это было на самом деле...

– Так, погоди. То есть, ты не изменяла мужу, а тебе все это только приснилось? Я правильно поняла?

– Нет, не совсем. Помнишь, я рассказывала, что два года назад мы с Леной ходили на корпоратив? Ну, когда он еще работал в компании? Он потом еще хвастался, что смог пере-

говорить с тем, с кем надо, и ему дали повышение. Я еще сама не поняла, как так умудрилась выпить лишнего. А наутро, как обычно, не помнила, что творила. Лёня тоже перебрал и отмахнулся от меня. Сказал, что все прошло хорошо, и мне не стоит волноваться. А теперь вот воспоминания всплывают кусками...

– И что в них?

– Я и другой мужчина. Он...он касался меня. Целовал, обнимал. И, Боже, кажется, мы переспали...Может, Анютка действительно не от Лёни, и он со свекровью не зря меня обвиняют?

– Так, стоп! – решительно и сердито останавливает Даниэла. – И в мировом экономическом кризисе тоже ты виновата, да. И в глобальном потеплении. И во всех других масштабных проблемах. Перестань в конце концов на себя наговаривать. Ты – святая, Лесь. Столько терпеть издевательства этой семейки...

– Но ведь в голове не просто так всплывают эти воспоминания, – возражаю и закусываю губу до крови. Мне страшно. Что, если все мои воспоминания и предположения окажется правдой... Кто же тогда отец Анютки в таком случае?! И где его искать? И надо ли? – Значит, это было...И, возможно, Аня – результат этой ночи...

– Да даже если и так! Я буду этому только рада! Главное, чтобы тебе понравилось, – раз! И я больше чем уверена, что этот мужчина явно лучше твоего урода-муженька. А вообще я считаю, что все эти якобы воспоминания – игры твоего подсознания. У тебя просто не было хорошего секса, и организм сигнализирует подобным образом.

Ох, если это все так, если все так...

– Тебе просто надо хорошо отдохнуть, Лесь, – тепло успокаивает Даниэла. – Я приеду и займусь этим вопросом. Мы оставим детей моей няне и пойдем поднимать тебе настроение и самооценку. Руслан, стой! – внезапно вскрикивает, что даже я вздрагиваю. – Извини, дорогая, я тебе вечером перезвоню.

Подруга скидывает звонок, а я, чтобы снова не заниматься самокопанием и не предпринимать очередных попыток восстановить события двухлетней давности, открываю холодильник и печатаю сообщение со списком продуктов Дану. Отправляю подрагивающими руками и невольно жду хоть какой-то реакции. Сообщение прочитано, но ответа никакого не поступает. Все же одергиваю себя – Дан наверняка занят, он прочитал и принял. Надо просто подождать.

Я жду доставку несколько часов, но продукты так и не привозят. Позвонить Дану и уточнить все же смелости не хватает. Поэтому мы одеваемся с мандаринкой и сами идем на поиск супермаркета. Заодно прогуляемся и поближе познакомимся с новым районом.

Домой возвращаемся румяные, довольные и счастливые с двумя большими пакетами. Воспользоваться кредиткой Дана так и не хватило духу. Все же он и так много для нас сделал, поэтому продукты, не колеблясь, покупаю на свои деньги.

Я укладываю утомившуюся и набегавшуюся Анютку спать, а сама с удовольствием принимаюсь за обед и ужин. Прогулка определенно пошла мне на пользу – я выкинула все лишние мысли из головы, и теперь даже напеваю и пританцовываю на месте от удовольствия.

Когда у меня почти все готово, раздается звонок мобильного. Скорее достаю его из кармана, чтобы не разбудить Анюту раньше времени и прикладываю к уху, не глядя на экран. Да и чего там смотреть? Кроме подруг никто мне звонить не будет.

– Да, Даниэла, слушаю.

На том конце провода раздается громкий и недовольный голос. И принадлежит он ни черта не моей Дане.

Глава 22

Олеся

– Ты, ты... – шипит Рита. – Да как ты посмела?!

Ничего не понимаю. Хмурюсь, на всякий случай опускаюсь на стул. Сестра звонит мне в принципе впервые, да еще и разговаривает в таком тоне.

– Рита, ты пьяная?

– Ты еще и издеваешься?! Вот не зря мама говорит всегда про тебя, что ты – мерзкая тихушница! И от тебя можно ожидать чего угодно! Ты...

Ладонь сжимается в кулак. Изнутри поднимается волна злости. Да как тетя Женя вообще может так обо мне болтать?! Она же меня совсем не знает, не общается...

– Хватит, – строго обрываю сестру. Я настолько резка, что мандаринка, стоящая в дверях гостиной и сонно потирающая глазки, замирает и смотрит с опаской. Улыбаюсь дочери как можно ласковей и распахиваю объятия, прижимая телефон к уху плечом. Анютка срывается и бежит ко мне. Забирается на колени и прижимается всем телом, обнимая двумя ручками. – Объясни нормально, что случилось.

Рита пыхтит и тяжело дышит в трубку. А потом... раздается всхлип. Она что, плачет? Неужели сестра способна на такие эмоции?!

– Ты натравила какого-то амбала и забыла об этом? Или хочешь подробностей, как он избил Гошу? Так вот знай, что ты добила своего – мой жених накануне свадьбы лежит в больнице. Со сломанной рукой, носом и сотрясением. Живи с этим.

Я долго перевариваю слова Риты. Сначала каждое слово. Потом старательно складываю их в слова. И когда все пазлы сходятся, и получается цельная картинка, я все понимаю.

Это Дан. Больше некому за меня вступиться.

Он как-то узнал о Гоше, адрес квартиры и...

– Извини, но мне не жаль, – выпаливаю правду. Я не злорадная и злопамятная, но именно в этот раз на душе тепло, что возмездие в лице кулаков Дана настигло насильника. – Твой Гоша получил по заслугам. Здоровья ему я желать не буду.

– Ты пожалеешь. Ты еще очень пожалеешь, что попыталась разрушить мою семью...

Чтобы помой и дальше не лились на мою голову, сбрасываю вызов. Крепче обнимаю мандаринку и утыкаюсь лицом в ее волосы, чтобы скрыть выступившие слезы на глазах. Слезы счастья.

Никто и никогда не защищал меня. Некому было. В детстве у меня никаких проблем не было, а когда подросла... выяснилось, что всем не до меня. Мама мне не поверила в тот единственный раз, когда я пришла к ней со своей бедой. Еще и обвинила, что я хочу разрушить ее жизнь. А бабулечку я старалась лишней раз не волновать, переживала за ее здоровье.

А Дану почему-то не все равно. Он даже толком не расспрашивал, все понял, лишь сопоставив факты. Понял и дал сдачи. Хотя он, по сути, совершенно посторонний мне человек. И теперь у нашего спасителя могут быть проблемы из-за этого. Потому что, уверена, Гоша с Ритой точно напишут заявление.

В коридоре хлопает дверь, и раздается веселое:

– Я дома!

Анюта спрыгивает с моих колен и несется в коридор, раскинув руки в стороны.

– Папа! Папа!

– Привет, мандаринка. Я тоже соскучился по тебе.

Выхожу в коридор и прислоняюсь к косяку, наблюдая за ними. Дан прислоняет к стене какую-то коробку. И Аня тут же обвивает за шею «папу» и улыбается до ямочек на щеках. Мужчина зеркалит ее улыбку, и в голове снова вихрем проносится, как же эти двое похожи...

Может, все мои видения-воспоминания все же правда?..

Нет, ерунда какая-то. Мне ведь только кажется, что тот мужчина из моих «снов» похож на Дана. Я не уверена. Так что не стоит надеяться, чтобы потом не было больно разочаровываться.

Первое, что бросается в глаза – сбитые костяшки на руках. И теперь точно не остается сомнений, что это наш с мандаринкой спаситель побил Гошу.

– Спасибо тебе, Дан, – от души благодарю нашего мужчину. В груди зарождаются чувства. Какие-то большие и светлые. Но я не позволяю им расцвести. Потом может быть больно. Гораздо больнее, чем от предательства мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.